

Мир приключений

Фредерик
Марриетт

Корабль-призрак

КНИЖКА
СЕМЕЙНОГО
ЧТЕНИЯ

Мир приключений (Клуб семейного досуга)

Фредерик Марриет

Корабль-призрак

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

1839

УДК 821.111

Марриет Ф.

Корабль-призрак / Ф. Марриет — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 1839 — (Мир приключений (Клуб семейного досуга))

ISBN 978-6-17-124942-4

Отец Филиппа Вандердекена был моряком, капитаном корабля. Во что бы то ни стало он хотел обогнуть мыс Доброй Надежды, но ужасные ветра и течение препятствовали ему. Команда отказалась повиноваться. В бешенстве капитан выбросил за борт зачинщика мятежа и произнес хулу на Бога. Он клялся на частице Животворящего Креста Господня, что будет сражаться с Небом и адом до конца. Высшие силы наказали капитана, обрекли на вечное плаванье на борту легендарного «Летучего голландца». Без права вернуться домой, вечно скитаясь по морям, принося смерть другим судам... Сын Филипп решается на опасное и рискованное приключение, чтобы спасти душу своего отца.

УДК 821.111

ISBN 978-6-17-124942-4

© Марриет Ф., 1839
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 1839

Содержание

Глава I	6
Глава II	13
Глава III	20
Глава IV	23
Глава V	30
Глава VI	36
Глава VII	41
Глава VIII	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Фредерик Марриет

Корабль-призрак

© DepositPhotos.com / mppriv, обложка, 2018

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление,
2018

Глава I

Тайна вдовы Вандердеккен

В половине XVII столетия на окраине небольшого укрепленного городка Тернёзена на южном берегу Западной Шельды почти напротив острова Валхерен стоял небольшой скромный, весьма опрятный домик, построенный во вкусе того времени. Фасад его был окрашен в густо-оранжевый цвет, а оконные рамы и ставни – в ярко-зеленый. Примерно до высоты трех футов от земли стены его были облицованы белыми и синими кафельными плитками, расположенными в шахматном порядке. К дому прилегал небольшой садик, обнесенный низенькой живой изгородью и окруженный до краев наполненной водой канавой, настолько широкой, что через нее не всякий мог перескочить. Через эту канаву как раз напротив входной двери был перекинут узенький железный мостик с перилами – для большей безопасности посетителей. В последнее время яркие краски фасада потускнели, оконные рамы, дверные косяки и другие деревянные части строения заметно обветшали, кафельные плитки во многих местах вывалились. Очевидно, когда-то этот домик содержали с величайшей заботливостью, теперь же во всем чувствовались заброшенность и запустение.

Внутреннее помещение дома как в нижнем, так и в верхнем этаже состояло из двух комнат окнами на улицу и двух – окнами во двор. Задние комнаты были совсем небольшие, передние – чуть просторнее, но и они имели только по одному окну. Наверху размещались спальни, в нижнем этаже обе маленькие комнатки выполняли хозяйственные функции: одна служила прачечной, другая – кладовой. Одна из передних комнат нижнего этажа представляла собой опрятную красивую кухню с большими полками, заполненными начищенной до блеска медной посудой. В белый пол кухни, чистый и гладкий, можно было глядеться, как в зеркало. В кухне располагались массивный деревянный стол, два деревянных стула и маленькая мягкая кушетка. Другая передняя комната нижнего этажа когда-то являлась гостиной; как она обставлена, никто не знал: вот уже почти семнадцать лет это помещение стояло запертым, обитатели дома не пользовались им и гостей туда не приглашали.

В начале нашего повествования в кухне находилась женщина лет сорока, худая и измученная. В тонких изящных чертах ее лица и больших темных глазах еще сохранялись следы прежней красоты, но, увы, давно увядшей. Кожа женщины выглядела дряблой, прозрачное бескровное лицо вытянулось, лоб ее, когда она задумывалась, покрывался глубокими морщинами, а глаза иногда вспыхивали таким странным огнем, какой бывает у людей с сильным нервным расстройством. Вероятно, на внешность женщины наложило отпечаток какое-то глубокое давнее горе, с которым она не могла справиться, какая-то хроническая удрученность, от которой бедную страдальицу избавила бы разве что смерть. По обычаю того времени хозяйка носила на голове вдовий чепец, одежда ее была опрятной и аккуратной, но далеко не новой и сильно поношенной. Ввиду своего болезненного состояния женщина сидела на низкой кушетке, которую, очевидно, специально принесли сверху, из спален.

На краю большого стола посередине кухни примостился юноша лет девятнадцати-двадцати, упитанный, цветущий, с очень приятной внешностью. Он был хорошо сложен, наделен недюжинной физической силой, полон отваги и энергичен. Выразительные глаза его смотрели смело и уверенно. Сидя на столе, он по-ребячески болтал ногами, беззаботно насвистывая какой-то избитый мотив, и при виде его сразу становилось ясным, что это бесстрашный, смелый и отчаянный молодой человек, которого трудно чем-либо испугать или заставить отказаться от однажды принятого решения.

– Не уходи в море, Филипп, прошу тебя! Обещай, что ты будешь со мной. Пожалуйста, сынок! – восклицала женщина, протягивая к юноше молитвенно сложенные руки.

– Почему же мне не отправиться в море, матушка? – возразил Филипп. – Какая польза от того, что я останусь дома умирать с голоду? Клянусь честью, это немногим лучше. Пора мне уже приносить какую-то пользу и себе, и тебе. Лучший вариант – морская служба. Дядя Вандердеккен предлагает взять меня с собой на корабль, обещает приличное жалованье. На судне я устроюсь хорошо, деньги начну откладывать, и моего заработка вполне хватит тебе на безбедную жизнь здесь, дома!

– Выслушай меня, Филипп. Я умру, если ты меня покинешь. Ты у меня один на белом свете. Коли ты меня любишь, – а я знаю, что ты меня любишь, – не бросай свою мать, умоляю тебя. Хочешь трудиться, идти в люди – бога ради, но только не в море!

Филипп задумался, продолжая тихонько насвистывать, а мать его горько заплакала.

– Матушка, ты так беспокоишься за меня потому, что мой отец погиб в море? – спросил он.

– Нет, что ты! – замахала рукой женщина. – Видит Бог, дело совсем в другом...

– В чем? Договаривай.

– Нет, погоди, ничего такого... Господи, сжался надо мной! Сжался!

Несчастливая мать, соскользнув с кушетки на пол и встав на колени, начала горячо и усердно шептать молитву, ища у Бога поддержки и защиты. Когда она поднялась и села на место, лицо ее выглядело более спокойным, чем минутой раньше, даже просветлевшим, и в глазах уже не читалось прежнего отчаяния. Филипп, за все это время не проронивший ни слова из уважения к молитвенному порыву матери, возобновил разговор:

– Послушай, матушка! Ты просишь, чтобы я не служил в море и голодал здесь вместе с тобой. Невеселая жизнь, честно признаться, но давай подойдем к делу вот с какой стороны. Соседняя комната, наша гостиная, заперта, с тех пор как я себя помню на белом свете, а по какой причине – я не знаю, ты скрываешь ее от меня. Но однажды, когда у нас с тобой не было даже куска хлеба, а дядя не мог нам помочь, потому что надолго ушел в плавание, ты пришла в отчаяние и сказала...

– Что я тогда сказала, Филипп? – с тревогой спросила бедная женщина.

– Ты проговорила, что в той комнате достаточно денег, чтобы спасти нас, но затем принялась рыдать и кричать, что лучше умереть. Я все-таки желаю знать, что хранится в гостиной и почему она заперта столько лет. Либо ты без утайки выкладываешь мне всю правду, какая бы она ни была, либо я ухожу в море – одно из двух!

При этих словах Филиппа женщина застыла, как каменная статуя, затем губы ее пошевелились, зрачки расширились, и казалось, что она утратила способность говорить. Она прижала руки к груди, как будто хотела сдавить ее или вырвать с корнем мучительную боль, и вдруг стала заваливаться с кушетки лицом вперед, а изо рта ее струей хлынула кровь. Филипп мигом соскочил со стола и кинулся к матери, подоспев как раз вовремя, чтобы не дать ей упасть и удариться о пол. Он поднял сухое изможденное тело и бережно уложил на кушетку. Кровь не унималась.

– Матушка, что с тобой?! – в страхе закричал он.

Но женщина ничего не отвечала, а только повернулась на бок, чтобы не захлебнуться, и вскоре на чистом полу образовалась лужа алой крови.

– Матушка, что надо делать? Как помочь тебе? Что тебе дать? Боже милосердный! Что это такое?

– Это смерть, сынок... – наконец прошептала помертвевшими губами бедная женщина и потеряла сознание от кровопотери.

Филипп выбежал из дому и позвал на помощь соседей, а когда те пришли и обступили больную, он что есть духу помчался к врачу, жившему в одной миле от их дома. Фамилия врача была Путс – маленький жалкий старикашка, жадный и бездушный, но хорошо знавший свое

медицинское ремесло. К счастью, старик оказался дома, и Филипп стал настоятельно требовать, чтобы лекарь немедленно отправился к больной.

– Я приду вне всякого сомнения, – ответил Путс, изъяснявшийся на местном наречии с заметным акцентом. – Но, мингер¹ Вандердеккен, кто мне заплатит за труды?

– Кто? Мой дядя, как только вернется домой.

– Ваш дядя, шкипер Вандердеккен?! Нет, так не годится: он уже задолжал мне четыре гильдера² и не отдает их весьма давно. Кроме того он вообще может не вернуться, а потонуть вместе с судном.

– Он заплатит вам и те четыре гильдера, и за новый ваш визит! – в бешенстве закричал Филипп. – Только пойдете скорее со мной, иначе, пока мы препираемся, моя мать умрет!

– Простите, молодой человек, но сначала я должен посетить бургомистра в Тернёзене, – проговорил Путс. – У него заболел ребенок.

– Знаете что, – воскликнул Филипп весь красный от гнева, – или вы сейчас же добровольно последуете за мной, или я вас силой потащу к нам в дом, выбирайте любое! Издеваться над собой я не позволю!

Мингер Путс смутился, так как решительный нрав Филиппа знали все соседи.

– Я приду немного погодя, мингер Филипп, если только успею.

– Нет, вы отправитесь сию же минуту, жалкий корыстолюбец! – закричал Филипп, схватив лекаря за воротник и вытаскивая из двери дома.

– Злодей! Убийца! – завопил Путс, теряя под ногами почву, увлекаемый неукротимым молодым колоссом, не внимавшим ни просьбам, ни мольбам.

Филипп чуть-чуть ослабил хватку, заметив, что старик весь посинел, и сказал грозно:

– Задавить мне, что ли, вас, чтобы вы пошли? А идти вас я все-таки заставлю, живого или мертвого!

– Хорошо, – прошипел Путс. – Я пойду с вами, но сегодня же вас посадят в тюрьму! Что касается вашей матушки, то я ни за что на свете не сделаю для нее ничего, решительно ничего!

– Негодяй! – чуть не ударил врача Филипп. – Имейте в виду, мингер Путс, перед Богом клянусь, Он нас видит и слышит: я задушу вас, если вы не пойдете со мной и, придя к нам в дом, не окажете моей матери врачебную помощь – всю, какая только в ваших силах. Задушу прямо там, у ее постели! Вам, наверное, известно, что я всегда выполняю все свои обещания, а потому вот мой совет: следуйте за мной и исполните свой долг, и вы получите все до последней монеты, даже если мне придется снять с себя камзол и сорочку и продать их.

Похоже, это уверение Филиппа подействовало на старика сильнее всех угроз, да и выбора у врача не было. Маленький и тщедушный, он выглядел беззащитным ребенком в руках сильного здорового юноши, напоминавшего сказочного великана. Дом Путса стоял за городом посреди пустыря и в стороне от других жилищ, так что лекарь не мог позвать соседей на помощь – они его попросту не слышали бы дальше, чем в ста шагах от дома Вандердеккенов. Скрепя сердце, мингер Путс поспешил за Филиппом, надеясь, что получит обещанную плату.

Придя в дом, врач и сын обнаружили женщину на попечении двух ее соседок, которые смачивали ей виски уксусом, чтобы привести в чувство. К больной уже вернулось сознание, но говорить она пока не могла. Путс приказал немедленно перенести ее наверх и уложить в постель и, дав ей какой-то порошок, отправился с Филиппом за нужными лекарствами.

– Как вернетесь, сейчас же дайте вашей матушке принять вот это... – Он вручил Филиппу склянку со снадобьем, – а я пойду к ребенку бургомистра, после чего снова наведаюсь к вам.

– Не обманите меня! – предупредил Филипп, сопровождая свои слова строгим взглядом.

¹ Вежливое обращение к мужчине в Голландии. – *Здесь и далее примеч. ред.*

² То есть четыре голландских червонца.

– Нет, мингер Филипп, я не поверил бы вашему дяде, но вам я верю; вы обещали мне заплатить, и я знаю, что вы сдержите свое слово. Через час я буду у вашей матушки, а вы идите к ней поскорее!

Филипп побежал к своему дому и дал матери лекарство. После того как она выпила его, кровотечение совершенно прекратилось, больной удалось даже слабым, едва слышным шепотом сказать сыну несколько слов. Когда доктор вернулся, он тщательно осмотрел пациентку, после чего сошел вместе с ее сыном вниз в кухню.

– Мингер Филипп, – заговорил он, – видит Бог, я сделал для вашей матушки все, что в моих силах, но должен предупредить вас: едва ли она когда-нибудь встанет на ноги. Она проживет день-два, не больше, но я в этом не виноват, – добавил он упавшим голосом, как будто оправдывался.

– Видно, такова воля Божья! – мрачно ответил юноша.

– Вы в любом случае заплатите мне, не правда ли, мингер Вандердеккен? – произнес доктор через минуту.

– Да-да, конечно! – крикнул Филипп, словно стряхнув с себя раздумье.

Помолчав немного, Путс спросил:

– Наведаться мне к вам завтра, мингер Вандердеккен? Имейте в виду, это обойдется вам еще в один гильдер, хотя, повторяю, бесполезно тратить деньги и время – больная не поправится.

– Придите завтра, приходите хоть каждый час, насчитывайте, сколько пожелаете, – я все заплачу, будьте спокойны, – горько усмехнулся Филипп.

– Как вам угодно; я понимаю, что едва она умрет, дом и все движимое имущество перейдут к вам, и вы, конечно, продадите их. Да-да, я приду! У вас скоро окажется достаточно денег, чтобы заплатить мне и за несколько визитов. Позвольте еще одну просьбу, мингер Филипп: если вы надумаете сдавать дом в аренду, предложите его, пожалуйста, мне.

– Вот как... – занес руку Филипп, точно собираясь схватить и раздавить маленького бессердечного лекаря.

Мингер Путс предусмотрительно отскочил в угол и заискивающим тоном залебезил:

– Что вы, что вы... Я имел в виду, что все это произойдет только после похорон вашей матушки.

– Уходите, жалкий человек, уходите отсюда! – в сердцах воскликнул Филипп, закрывая лицо руками и опускаясь на залитую кровью кушетку.

Вскоре Филипп Вандердеккен поднялся наверх к постели больной, которая почувствовала себя значительно легче. Соседки, у которых хватало своих забот, оставили мать на попечение сына и возвратились домой. Истощенная сильной кровопотерей женщина несколько часов дремала, не выпуская руку сына, который в мрачном раздумье прислушивался к ее прерывистому дыханию. Около часа ночи больная проснулась, к ней вернулся голос, и она обратилась к сыну:

– Дорогой мой, неукротимый мальчик, теперь я сама сожалею, что так долго удерживала тебя здесь, как в тюрьме.

– Не ты, матушка, а мое собственное желание удерживало меня подле тебя. Я и теперь не уйду, пока ты снова не встанешь на ноги и не выздоровеешь.

– Этого, Филипп, никогда не будет. Я чувствую, что пришла моя смерть. Если бы не ты, дитя мое, я с радостью покинула бы этот мир. Я уже давно, Филипп, молила Бога о смерти.

– А почему, матушка? Кажется, я старался не огорчать тебя.

– Да, ты хороший сын, и пусть Господь благословит тебя. Не раз я замечала, как ты сдерживал свой буйный нрав и справедливый гнев ради меня. Даже голод не вынудил тебя выйти из повиновения твоей матери. Ведь после тех моих слов о запертой комнате ты мог подумать, что

я или помешанная, или жестокая, если у нас нет куска хлеба, а я упорно настаиваю на своем и не объясняю никаких причин. Но погоди немного, я сейчас продолжу... сию минуту.

Она повернула голову на подушке и несколько минут молчала, потом, как бы собравшись с силами, продолжила:

– Временами я вела себя, как безумная, не правда ли, Филипп? Но Бог свидетель: я носила в душе тайну, которая лишила бы рассудка любую женщину. Эта тайна тяготела надо мной днем и ночью, туманила мне мозг и теперь, хвала Богу, наконец-то одолела меня, изнурила мое брренное тело. Окончательный удар нанесен, и мне остается только рассказать тебе все. Для меня это очень тяжело, ведь моя тайна удручит твою душу на долгие годы, так же как она томила мою.

– Матушка, – попросил Филипп, – умоляю тебя, не скрывай от меня дальше ужасной тайны, которая столько времени убивала тебя! Будь в ней замешано само Небо или сам ад, я ничего не боюсь: Небо не погубит меня, а с сатаной я справлюсь!

– Я знаю, мальчик мой, что ты смел, отважен и силен духом, и если кому-то и под силу нести тяжкое бремя, то именно тебе, Филипп. Для меня, увы, ноша оказалась непосильной, и теперь мой долг передать ее тебе.

Некоторое время женщина молчала, как бы сосредоточиваясь на том, что хотела сообщить сыну; крупные слезы бежали у нее по щекам. Наконец она взяла себя в руки и приободрилась.

– Речь пойдет о твоём отце, Филипп, – начала она, – люди думают, что он погиб в море...

– Он не погиб? – удивился Филипп.

– Нет...

– Но ведь он давно умер, матушка?

– Нет... то есть да, и все же нет! – растерялась женщина и заплакала, закрыв лицо руками. «Она бредит», – подумал Филипп, но спросил:

– Тогда где он, матушка, где мой отец?

При этих словах больная подняла голову и, содрогнувшись всем телом, отчетливо и ясно произнесла:

– Он заживо осужден судом Божиим! Страшное проклятие лежит на нем!

Несчастливая с воплем откинулась на подушки, закрывая лицо простыней, словно старалась спрятаться от собственных воспоминаний. Филипп как будто онемел, пораженный признанием матери. Несколько минут в спальне висело тягостное молчание, после чего юноша, мучимый неопределенностью, едва слышно прошептал:

– Открой же мне тайну, матушка, почему ты медлишь?

– Хорошо, сейчас... – спохватилась больная, и голос ее зазвучал как-то торжественно. – Нрав у твоего отца был, как и у тебя, пылкий, отважный, решительный и настойчивый, и пусть его участь послужит тебе назиданием, дорогой мой мальчик. Отец слыл превосходным моряком: искусным, опытным, смелым, – каких мало. Родился он не здесь, а в Амстердаме, но жить там не пожелал, так как считал себя истинным католиком, а голландцы все сплошь еретики. Прошло больше семнадцати лет, с тех пор как твой отец в последний раз отправился в Индию на своем превосходном корабле «Амстердамец» с весьма ценным грузом. Это был его третий рейс. В двух предыдущих он заработал немало денег и приобрел собственное судно. Кое-какие сбережения после покупки у отца еще оставались, он планировал добавить к ним то, что заработает в третьем плавании, и тем самым обеспечить нашей семье безбедную жизнь до конца наших дней и больше не покидать родные берега. Мы часто мечтали с ним о том, что станем делать, когда он вернется. Эти мысли утешали меня в его отсутствие; я горячо любила его, Филипп, и он всегда был ласков, нежен и добр со мной. О, с каким нетерпением я ждала его возвращения! Незавидна судьба жены моряка: сколько долгих мучительных дней и ночей, недель и месяцев проводит она, одиноко прислушиваясь в непогоду к завыванию ветра и к вою

бури, которые предвещают кораблекрушение и смерть, разорение и вдовство. Прошло месяцев шесть со времени отъезда твоего отца, и оставался еще целый год напряженного ожидания, а то и больше. Однажды ночью ты спал, а я сидела над твоей постелькой, оберегала твой покой и, опустившись на колени, молила Бога за тебя и твоего отца, нимало не подозревая, что на его голову пало ужасное проклятие!

Она остановилась перевести дух, потом опять заговорила:

– Сон твой был крепок, и я ненадолго отлучилась от тебя, сойдя вниз в ту комнату, которая с той кошмарной ночи и до сего дня заперта на ключ. Я села к столу вышивать: в ненастную ночь жене моряка не уснуть. Перевалило за полночь. На дворе лил дождь, и мне стало страшно и жутко как никогда. Я подошла к кропильнице со святой водой и, обмакнув в нее пальцы правой руки, осенила себя крестным знаменем. В тот же миг дикий порыв ветра с воем налетел на наш дом и напугал меня еще сильнее. Внезапно окно распахнулось, свеча погасла, и я очутилась в полной темноте. Я закричала от ужаса, но быстро овладела собой и кинулась закрывать створки и ставни, как вдруг увидела, что в окно влезает человек, – кто, ты думаешь? Твой отец! Да, это был он!

– Боже милостивый! – пробормотал Филипп.

– Я не знала, что и думать. Он спрыгнул с подоконника, и, хотя в комнате царил полный мрак, я увидела лицо и фигуру твоего отца так же ясно, как в яркий полдень. Страх внушал мне, что надо убежать и скрыться, но любовь влекла меня в объятия мужа. Я замерла на том месте, где стояла, потрясенная до глубины души неведомым доселе ужасом. Как только твой отец оказался в комнате, окно и ставни захлопнулись сами собой, и свеча загорелась, хотя ни я, ни он не подносили к ней огня. В голове моей мелькнула мысль, что предо мной призрак, и, слабо вскрикнув, я лишилась чувств.

Придя в себя, я поняла, что лежу не на полу, а на кушетке, и почувствовала в своей руке чью-то холодную мокрую руку. Подняв глаза, я увидела твоего отца, сидевшего подле, и это успокоило меня, несмотря на его странное появление. Я подумала, что его постигло несчастье, поэтому он вернулся раньше времени. Я бросилась на шею своему дорогому супругу. Одежда его промокла от дождя, а тело показалось мне таким холодным, как будто я обняла льдину. Он никак не реагировал на мои ласки и не произносил ни слова, а только смотрел на меня задумчивым скорбным взглядом. У меня сжалось сердце от тяжелого предчувствия. «Виллем, любимый мой! – воскликнула я. – Это я, твоя Катрина! Что ж ты молчишь, милый? Скажи хоть слово. Что с тобой случилось, говори ради бога!»

«Скажу, – ответил он медленно и каким-то приподнятым тоном, – скажу прямо сейчас, потому что у меня мало времени!»

«Нет, постой! Не уходи больше в море! Пусть даже твое судно погубило, только бы ты был жив! Лишь бы ты находился подле меня – больше нам с сыном ничего не надо», – прошептала я ему.

«Погоди, Катрина, – промолвил он. – Слушай меня, не тревожься и не перебивай. Мое судно не погубило, но погибла моя... Молчи, пожалуйста, дослушай до конца. Я не умер, но и не жив; я блуждаю между этим миром и миром духов, запомни это.

Девять недель я упорно старался вопреки стихиям обогнуть мыс Бурь, но все напрасно. Тогда я дал страшную клятву и еще столько же времени боролся с ветрами и течениями. Мне не удалось пристать к берегу, и двигаться вперед я тоже не мог. В бешенстве я произнес хулу на Бога и с упорством обреченного продолжал стремиться к своей цели. Люди, изнуренные тяжелой бесполезной работой, требовали, чтобы я вернулся в Столовую бухту, но я не соглашался. Мало того, я совершил убийство, правда, невольное, неумышленное, но все же погубил ни в чем не повинного человека. Мой лоцман отказался выполнять мои приказы и подговорил экипаж связать меня. В тот момент, когда рулевой схватил меня за ворот, я в лютой злобе ударил его, он пошатнулся, от сильной качки вылетел за борт и утонул. Эта ужасная смерть не вра-

зумила меня, и я поклялся частицей Животворящего Креста Господня, которую ты, Катрина, носишь у себя на шее в ларчике, что настою на своем. Что все будет так, как я хочу, даже если мне придется сражаться на этом корабле не только с бурями и стихиями, но и с Небом и адом до дня Страшного суда! Эту клятву запечатлел гром и потоки огненного дождя. Свирепый ураган налетел на судно, сорвал паруса, разодрал их в клочья, громадные валы залили палубу, и среди черного мрака ненастной ночи в небе засияли начертанные пламенными буквами слова: “До дня Страшного суда!” Слушай меня, Катрина, время мое сочтено. У меня осталась только одна надежда, и ради нее мне дано было явиться сюда. Возьми это! – Он положил на стол письмо с печатью. – Прочти его, дорогая, и помоги, если сможешь. Прочти обязательно, а теперь прощай, мне пора!»

Вновь окно и ставни сами собой распахнулись, свеча погасла, задутая порывом ветра, ворвавшегося в комнату, и образ моего любимого супруга начал уплывать во мраке. Я вскочила и кинулась за ним, простирая к нему руки и отчаянно зовя его, пока он улетал вдаль. С минуту мой взгляд еще различал дорогой мне образ, уносимый с быстротой молнии на крыльях бурного ветра, но потом он исчез, как мелкая искорка, затерялся во мраке ненастной ночи. Окно и ставни захлопнулись, свеча зажглась, и я осталась одна в пустой комнате.

Господи, пожалей меня! Не обрушивай кару на мою бедную голову! Филипп, помоги мне! Помоги! – закричала Катрина. – Не бросай меня одну, Богом прошу!

Обезумевшая женщина вскочила с постели, но при последнем выкрике упала на руки сына, успевшего подхватить ее, чтобы не дать ей упасть. Несколько минут она не двигалась, и Филипп встревожился: он осторожно уложил мать в постель и вдруг заметил, что голова ее запрокинулась, а глаза закатились – несчастная вдова Вандердеккен умерла.

Глава II

Семейная реликвия

Как ни силен духом был Филипп Вандердеккен, его словно громом поразило, когда он увидел, что душа его матери отлетела в лучший мир. Долгое время он сидел подле ее постели, не сводя глаз с усопшей, причем мысли его тревожно блуждали, не задерживаясь ни на чем конкретном. Мало-помалу он пришел в себя, встал, оправил подушки и закрыл глаза покойнице. Руки его сами собой молитвенно сложились, и горячие слезы покатались по его смуглым щекам. Запечатлев долгий прощальный поцелуй на бледном челе мертвой матери, он медленно задернул полог вокруг постели и скорбно произнес:

– Бедная матушка, наконец-то ты обрела покой, которого столько лет не знала твоя душа. Но сыну своему ты оставила горькое наследство!

Филипп вспомнил все только что пережитое, и страшное признание матери ожило в его воображении и вызвало сумятицу в его голове. Обхватив ее руками, он постарался привести мысли в порядок, чтобы разобраться в них и решить, что делать дальше. Он не мог позволить себе долго предаваться горю: мать его отошла от всех земных забот и волнений, а отец? Что с ним? Филипп понятия не имел, где он. Внезапно в мозгу юноши пронеслись слова матери: «Осталась только одна надежда»... Так значит, надежда есть? Мать сказала, что отец положил на стол письмо. Где оно? Может, так и лежит, где его положили? Вероятно, у матушки не хватило смелости прочесть его. В этом письме заключалась надежда, и оно пролежало невскрытым более семнадцати лет.

Филипп решил осмотреть роковую комнату и узнать все. Но идти туда сейчас или дождаться рассвета? Да и где ключ от двери? Взгляд его случайно остановился на маленьком навесном шкафчике, который мать никогда не отпирала при сыне, – наверное, именно там спрятан ключ. Недолго думая, юноша взял свечу и подошел к шкафчику. Удивительно: он не заперт! Дверки распахнулись, и Филипп стал выдвигать один ящичек за другим, но ключа нигде не было, все ящички до одного оказались пустыми. У юноши мелькнула догадка, что в шкафчике предусмотрены потайные ящички, и Филипп долго и внимательно искал их, но тщетно. Наконец он вынул все ящички и разложил их на полу, а шкафчик снял со стены и потряс его. Послышался шум, указывавший на то, что в одном углу шкафчика находится потайная ниша. Филипп пришел к выводу, что ключ именно там, и попытался его достать – бесполезно. Уже почти рассвело, а Филипп все еще бился над своей неблагоприятной задачей. Вконец измучившись, он решил взломать заднюю стенку шкафчика, спустился вниз в кухню и вернулся оттуда с небольшим ножом и молотком. Опустившись на колени, он принялся за дело, как вдруг почувствовал, что кто-то положил ему руку на плечо.

Филипп вздрогнул: он до того погрузился в свою работу и свои мысли, что не услышал у себя за спиной приближавшихся шагов. Подняв голову, он увидел перед собой патера Сейсена, священника местного прихода, смотревшего на него строго и неодобрительно. Сейсену сообщили о тяжелом состоянии вдовы Вандердеккен, и добрый патер поднялся с рассветом, чтобы поспешить к болящей и принести ей утешение.

– Ай, сын мой, – проговорил он, – и ты не боишься тревожить покой своей матери? Неужели ты хочешь все расхитить в доме, прежде чем твоя мать упокоится в могиле?

– Нет, святой отец, – ответил Филипп, – я не боюсь потревожить ее покой: она уснула сном праведников. Расхищать в доме мне нечего. Я ищу не золото и не другие богатства, хотя если бы они имелись, то теперь принадлежали бы мне. Я ищу давно спрятанный в этом шкафчике ключ, но не могу добраться до него, потому и пытаюсь взломать стенку.

– Твоя мать скончалась? Умерла без утешения, которое принесла бы ей наша святая церковь? Почему же ты не позвал меня?

– Потому что матушка скончалась внезапно у меня на руках часа два назад. Я очень сожалею, что вас не было подле нее в ту минуту.

Старик отдернул полог и взглянул на усопшую, окропил ее и постель святой водой и склонился над телом Катрины Вандердеккен с немой молитвой о ее душе. Через минуту он обернулся к Филиппу:

– Почему я застал тебя за такой работой? С какой целью ты стараешься достать ключ? Смерть матери должна бы всколыхнуть в тебе сыновние чувства, но я не вижу твоей скорби и не слышу молитв об упокоении ее души, – глаза твои сухи, а мысли заняты посторонним и суетным, хотя еще не остыло тело, в котором жила и томилась душа твоей матери. Подобное поведение не приличествует доброму сыну и христианину. Что за ключ ты ищешь?

– Патер, у меня нет времени для слез, скорби и жалоб, а дум у меня столько, что их отказывается вместить моя голова. Я нежно любил свою мать, вы это знаете.

– Я спрашиваю, какой ключ тебе так срочно понадобился?

– Ключ от комнаты, которая стояла запертой столько лет и которую я должен и хочу отпереть, даже если...

– Даже если... что?

– Ничего такого, я случайно обмолвился. Простите, святой отец, мне просто нужно осмотреть эту комнату.

– Я давно о ней слышал и знаю, что твоя мать никогда никому не объясняла, почему ваша гостиная все время заперта. Я сам не раз задавал ей этот вопрос, но она уходила от ответа. Мало того, однажды, когда я по долгу своего сана попробовал расспросить Катрину более настойчиво, то заметил, что разум ее мешается, она как будто теряет рассудок, поэтому я отказался от дальнейших попыток. Что-то тяготело над душой твоей бедной матери, но она даже на исповеди не пожелала сказать мне правду и тем самым снять невыносимое бремя с души. Перед смертью она открыла тебе свою тайну или так и унесла ее с собой в могилу?

– Она открыла ее мне, святой отец.

– Не чувствуешь ли ты потребности исповедаться, сын мой? Быть может, я оказал бы тебе помощь или дал совет...

– Я верю, что не праздное любопытство побуждает вас выведывать у меня эту тайну, я готов поделиться ею с вами и выслушать ваш совет. Дело, однако, в том, что в данную минуту я сам не во всем разобрался и ума не приложу, все ли обстояло так, как говорила моя бедная мать, или то лишь плод ее воспаленного воображения. Когда я удостоверюсь, что все услышанное мной от матери – правда, я исповедуюсь перед вами, хотя едва ли вас это порадует. Сейчас я не вправе ничего сообщать вам, я обязан докопаться до истины, и первый шаг к тому – войти в эту ненавистную комнату и убедиться во всем.

– Тебе не страшно, сын мой?

– Нет, святой отец, на мне лежит долг, который нужно исполнить. Умоляю вас, не допытывайтесь у меня ни о чем. Честное слово, я, как и покойная мать, чувствую, что всякие расспросы пошатнут мой рассудок.

– Нет, Филипп, что ты, я не настаиваю! Придет время, и если я тебе понадоблюсь, то ты обратишься ко мне, а теперь прощай. Но прошу тебя все-таки, сын мой, приостанови свою неподобающую моменту работу: я сейчас пришлю сюда женщин – готовить к погребению покойницу, душу которой призвал Господь.

Патер взглянул на Филиппа и понял, что мысли юноши витают где-то далеко. Взгляд его, лишенный всякого выражения, бесцельно блуждал по сторонам, а лицо выражало странное недоумение, и священник, озабоченно покачивая головой, покинул дом. «Он прав, – подумал Филипп, оставшись один, – не надо спешить с этим делом. – Взяв шкафчик, юноша повесил

его на прежнее место. – Часом раньше или часом позже – какая разница? Лучше прилягу и отдохну, голова у меня свинцовая».

Филипп прошел в смежную комнату, кинулся на постель и тотчас же заснул тем крепким тяжелым сном, каким обычно засыпают за несколько часов до казни приговоренные к смерти преступники. Пока он спал, пришли соседки и приготовили все, что требовалось для похорон вдовы Вандердеккен. Они не тревожили Филиппа, чтобы он подольше не возвращался к своему горю. В числе других после полудня явился мингер Путс, который уже знал о смерти своей пациентки и, имея час свободного времени, решил зайти к Вандердеккенам в расчете на то, что это принесет ему лишний гильдер вознаграждения. Он поднялся в комнату, где лежала покойница, постоял там, а оттуда заглянул в спальню Филиппа и потряс его за плечо, чтобы разбудить. Проснувшись, Филипп сел на постели и увидел перед собой доктора.

– Мингер Вандердеккен, – заговорил отвратительный маленький лекарь, – все произошло, как я заранее знал. Она умерла. Не забудьте, что с вас причитается еще один гильдер, и вы обещали непременно уплатить мне за все. Общая сумма вместе с препаратами составляет три с половиной гильдера при условии, что вы вернете мне склянку из-под лекарства.

Филипп, в первую минуту не вполне сознававший, что происходит, наконец стряхнул с себя остатки сна, и перед ним предстала горестная явь.

– Вы получите три с половиной гильдера и вашу склянку, господин Путс. – Юноша встал с кровати. – Не беспокойтесь.

– Да-да, я знаю, что вы уплатите мне, если будете в состоянии. Но, видите ли, мингер Филипп, это может случиться нескоро – неизвестно, когда вам удастся продать домик. Вдруг вы не сразу найдете на него покупателя? Я тоже не желаю слишком давить на людей, когда у них нет денег, поэтому предлагаю вам разумный выход из положения. На шее у вашей покойной матушки я заметил одну вещицу, которая, впрочем, не имеет никакой ценности, решительно никакой, но я католик и чту святыни. Желая вам помочь в вашей затруднительной ситуации, я готов взять эту вещицу, и мы с вами будем квиты. Я сочту, что вы уплатили мне сполна, и дело с концом.

Филипп слушал внимательно и понял, на что намекает старый негодяй: на ларчик с частицей Животворящего Креста, которой поклялся Виллем Вандердеккен, давая свой губительный обет. Никакие кучи золота не заставили бы Филиппа расстаться с семейной реликвией.

– Уходите! – резко произнес он. – Убирайтесь сейчас же! А деньги свои вы получите.

Но мингер Путс отлично знал, что миниатюрный квадратный ларчик, в котором хранилась святыня, был из чистого золота и стоил в десять раз больше того, что ему задолжал Филипп. Кроме того, Путс догадывался, что и сама реликвия стоит немало, – в те времена подобные святыни ценились очень высоко. Одним словом, алчный лекарь сообразил, что, продав ларчик с его содержимым, выручит за него весьма приличную сумму. Прельстившись дорогой вещицей, Путс снял ее с шеи покойницы в тот момент, когда оставался один возле ее тела, и спрятал реликвию у себя на груди.

– Мои условия выгодные, – продолжал он уговаривать Филиппа, – и вам лучше бы согласиться на них. Какая вам польза от этой вещи? Вы же выбросите ее, как ненужный хлам!

– Я сказал вам, что нет! – крикнул Филипп, выходя из себя.

– В таком случае дайте мне эту вещицу под залог, пока не уплатите долг, мингер Вандердеккен! Это справедливо. Вы же понимаете, что я не хочу терять своего. Как только вы принесете мне три с половиной гильдера и склянку из-под лекарства, я возвращу вам вашу безделушку.

На этот раз негодование Филиппа выплеснулось через край: он схватил мингера Путса за шиворот и вышвырнул за дверь.

– Вон! – закричал он. – Чтob духу здесь не было! Иначе...

Юноша не успел конкретизировать свою угрозу, потому что старикашка буквально кубарем скатился с лестницы, выскочил из двери и засеменил по мостику. В какой-то момент Путс пожалел, что стащил ларчик, но его поспешное бегство помешало ему вернуть Филиппу реликвию, а теперь было уже поздно. Вымогательство Путса навело Филиппа на мысль о шкатулочке, и он зашел в комнату, где лежала мать, чтобы снять с нее реликвию и взять ее себе. Он отдернул полог и протянул руку к шее покойницы, где на черной ленте всегда висела миниатюрная золотая шкатулочка, но та внезапно исчезла вместе с лентой. «Украли! – подумал юноша. – Но кто? Соседки никогда не осмелились бы на такое святотатство, никогда! Все ясно: это дело рук старого мерзавца Путса. Я не оставлю у него нашу святыню, я отниму ее у него, даже если он ее проглотил. Разорву вора на части – и достану то, что он похитил».

Филипп сбежал по лестнице, перемахнул через канаву и в одной сорочке, без камзола и шляпы, помчался что есть сил по направлению к жилищу доктора. Соседи, видя, как он несется мимо, словно ветер, качали головой. Мингер Путс преодолел полпути: он ушиб колено и не мог бежать быстрее. Предчувствуя, что произойдет, если совершенная им кража обнаружится, воришка время от времени оборачивался назад. К огромному ужасу, он увидел вдали Филиппа Вандердеккена и понял, что тот пустился в погоню. Испугавшись чуть не до потери сознания, старикашка не знал, что ему предпринять: «Остановиться и вернуть ларчик», – мелькнула у него мысль, но страх перед бешеным нравом молодого Вандердеккена заставил лекаря отказаться от этого намерения, и он решил удирать дальше, надеясь успеть достичь своего дома и запереться в нем.

Тоненькие ножки несли тщедушное тельце Путса так быстро, как только могли, и Филипп, убедившись, что похититель старается ускользнуть, заключил из этого, что не ошибся: реликвию украл старикашка, – поэтому прибавил скорость и стал нагонять трусливого эскулапа. Находясь в каких-нибудь ста шагах от своего дома, Путс услышал, что юноша мчится за ним по пятам. Обезумев от ужаса, воришка начал делать невероятные для своего роста прыжки, отчаяние удвоило его силы, но погоня все приближалась, и Путс даже затылком ощущал порывистое дыхание преследователя.

Не помня себя от страха, старик пронзительно вскрикнул, как заяц, схваченный гончими. Филипп был в нескольких шагах от него и вытянул руку, чтобы схватить злодея, но вдруг лекарь рухнул, как подкошенный, прямо под ноги молодому человеку. Юноша по инерции перепрыгнул через Путса, пробежал еще немного вперед, спотыкаясь и стараясь вернуть себе утраченное равновесие, но запнулся о камень, упал и покатился по земле, несколько раз перевернувшись. Это спасло маленького доктора: он успел вскочить и, прежде чем Филипп поднялся на ноги и догнал его, влетел в дом и запер дверь на тяжелые металлические засовы. Однако Филипп решил, не останавливаясь ни перед чем, вернуть себе фамильную святыню. В три прыжка очутившись у двери дома врача, юноша лихорадочно стал думать, как ворваться внутрь и расправиться с негодяем. Но поскольку жилище доктора стояло одиноко, тот принял все меры предосторожности против вторжения грабителей и налетчиков. Окна нижнего этажа были заперты железными ставнями и укреплены крепкими засовами, а окна верхнего этажа располагались чересчур высоко, чтобы до них добраться.

Здесь в виде отступления заметим, что, хотя мингер Путс пользовался известностью как искусный врач и имел обширную практику, соседи не любили его, считая человеком черствым, неприветливым, с каменным сердцем, и никто никогда не переступал порога его дома, впрочем, не имея к тому ни малейшего желания. Путс жил среди людей так же одиноко, как его дом, находившийся вдали от человеческого жилья за чертой города. Врача видели только у постелей больных и умирающих, и даже люди, пользовавшиеся его услугами, не знали, как он живет и какие у него в доме помещения. Первое время, когда он поселился в этой местности, на стук в его дверь отвечала дряхлая женщина, но не так давно ее схоронили, и с тех пор дверь приотворял посетителям сам мингер Путс, если был дома; при его отсутствии дверь так и

оставалась запертой, сколько бы в нее ни колотили. На этом основании заключили, что старик живет совершенно один и по причине своей скаредности прислугу не нанимает. То же самое думал и Филипп и, едва он немного отдышался, сейчас же принялся измышлять средство, как добыть похищенное сокровище да к тому же отомстить старому негодю.

Дверь была тяжелая, массивная, и взломать ее не представлялось никакой возможности. С минуту Филипп думал, гнев его постепенно остывал, и чем дальше, тем больше юный Вандердеккен приходил к выводу, что реликвию нужно вернуть, не прибегая к насилию и не предпринимая никаких враждебных действий. Поэтому он крикнул достаточно громко, чтобы его услышали:

– Мингер Путс, я знаю, вы там! Возвратите мне то, что взяли у меня, и я не причиню вам ни малейшего зла. Если же вы не отдадите добровольно, то пеняйте на себя. Предупреждаю, что не сойду с этого места, пока вы не поплатитесь жизнью за свой проступок.

Путс слышал каждое слово Филиппа, но жалкий старикашка успел оправиться от испуга и, чувствуя себя в безопасности за крепкими стенами и запорами, не хотел вернуть реликвию без борьбы. Вот почему доктор ничего не отвечал, рассчитывая на то, что пыл Вандердеккена поутихнет, и тогда путем переговоров, например уступкой Филиппу взамен святыни двух гильдеров долга, ему, Путсу, удастся сохранить у себя святыню, которую корыстолюбец надеялся выгодно продать.

Не получив ответа, молодой человек сначала перешел к довольно убедительным увещаниям, далее – к крепким ругательствам, а затем – к действенным мерам. Неподалеку от дома Филипп заметил свал сухого валежника, а у стены дома – маленькую поленницу дров, припасенных, чтобы топить дом. Этими подручными средствами юноша решил воспользоваться для поджога дома, чтобы если и не вернуть семейную реликвию, то хотя бы дать полное удовлетворение своему чувству мести. Притащив несколько охапок валежника, он бросил их перед дверью, на них положил несколько поленьев и всяких щепок и стружек, что разыскал поблизости, – в итоге вся дверь до верха оказалась завалена. Затем он высек огонь с помощью трута и огнива, которые каждый голландец всегда носит при себе. Спустя несколько минут костер запылал. Дым столбами стал подниматься под крышу, а внизу свирепствовало пламя. Дверь загорелась, и пламя жадно лизало ее со всех сторон, а Филипп радовался успеху своей затеи.

– Эй ты, негодный святотатец, надругавшийся над покойницей, ограбивший мертвую, жалкий подлый вор, теперь ты испытаешь на себе мое отмщение! – закричал Филипп. – Если ты не выйдешь, то сгоришь в огне, а если попытаешься выбежать, я тебя убью. Слышишь, мерзавец?!

Не успел он выкрикнуть последние слова, как окно верхнего этажа, самое отдаленное от горевшей входной двери, распахнулось.

– Ага, решил уговаривать меня и просить пощады, но нет! Я тебя...

Последние слова замерли на устах юноши, пораженного тем, что он заметил в окне и принял за видение: вместо безобразного маленького старикашки он увидел юное существо, девушку лет шестнадцати-семнадцати ангельской красоты с выражением невозмутимого спокойствия и полного самообладания, несмотря на грозившую ей опасность. Ее длинные черные волосы обрамляли изящной формы головку, большие темные глаза светились мягким добрым выражением, высокий белый лоб, прекрасной формы подбородок с кокетливой ямочкой, яркие, красивого рисунка губы и точеный небольшой носик с тонкими ноздрями делали ее редкой красавицей, прелестнее которой трудно было вообразить. Среди окутавшего окно густого дыма и языков пламени, временами вздымавшихся до второго этажа, это прелестное умиротворенное создание напоминало святую мученицу на костре, изображенную живописцем на полотне.

– Что вам нужно, буйный неукротимый юноша? За что вы хотите погубить мирных обитателей этого дома? – спросила девушка сдержанным тоном.

Некоторое время Филипп смотрел на нее в замешательстве, затем вдруг понял, что в своем слепом ожесточении едва не уничтожил эту красоту, и, забыв обо всем кроме грозившей девушке опасности, принялся сбивать пламя и растаскивать сооруженный им костер, пока от него не осталось ни одного прутика. Горевшую дверь дома юноша тушил комьями сырой земли, и, пока он это делал, девушка безмолвно наблюдала за ним.

– Все! Опасность миновала! – воскликнул Филипп. – Да простит мне Бог, что я, сам того не ведая, покусился на столь драгоценную жизнь. Я хотел отомстить одному лишь мингеру Путсу!

– А какой повод подал этот человек для столь ужасного мщения? – все так же спокойно поинтересовалась красавица.

– Какой повод? Придя в мой дом, Путс святотатственно обокрал мою усопшую мать, забрав с ее тела священную для нашей семьи реликвию.

– Ограбил покойницу?! Нет, такое немислимо, это ошибка, молодой человек, или вы возводите на него напраслину.

– Клянусь прахом своей матери, что это правда. Эту драгоценную вещь я обязан любой ценой вернуть. Вы не знаете, как многое от этого зависит не только для меня, но и для других людей.

– Погодите, молодой человек, – проговорила девушка. – Я сейчас вернусь.

Филипп некоторое время ждал, не в силах побороть в себе удивление и восхищение: такая прекрасная девушка жила в доме старикашки Путса, и никто не догадывался об этом. Кто же она? Пока он строил предположения, серебристый голос очаровательной незнакомки, овладевшей его мыслями, окликнул его из окна: в руке у девушки была черная лента, а на ней висел золотой ларчик, из-за которого все и случилось.

– Вот ваша реликвия, сударь, – сказала девушка, – возьмите ее. Я очень сожалею, что мой отец совершил такой поступок; ваш гнев оправдан. Но я возвращаю вам святыню, – добавила она, роняя ларчик к ногам юноши. – Ступайте ради бога с миром.

– Ваш отец?! Этот человек ваш отец? – Филипп остолбенел, забыв даже поднять с земли ларчик. Девушка повернулась, чтобы отойти от окна, не удостоив юношу ответом, но он закричал ей: – Подождите, сударыня, всего одну минутку! Пожалуйста, простите меня за мое необузданное дикое поведение. Клянусь этой святыней, – он поднял шкатулочку с земли и держал ее перед собой, – если бы я знал, что в этом доме находится безвинное существо, я никогда не решился бы на безумный поступок. Как я благодарю Бога, что никакого несчастья от моей глупой горячности не произошло! Однако опасность пока не миновала, надо отпереть дверь и затушить порог, который все еще тлеет, ведь от него может загореться весь дом. Не бойтесь, сударыня, за вашего отца: причины он мне в сто раз больше зла, чем теперь, вы все равно спасли бы каждый его волос. А что я всегда держу свое слово, ваш отец знает, так позвольте же мне исправить тот вред, который я принес вашему дому, после чего я сразу уйду.

– Нет! Не верь ему! – закричал из глубины дома Путс.

– Ему можно верить, батюшка, – уверенно возразила молодая девушка. – Помощь этого юноши нам нужна. Я не смогу справиться с огнем, ты, пожилой человек, тем более. Отпри дверь и позволь ему обезопасить наш дом от пожара. – Обращаясь к Филиппу, она добавила: – Отец откроет вам дверь, а я сейчас спущусь и поблагодарю вас за услугу. Я вам верю, молодой человек, и полагаюсь на вас.

– Ни разу такого не случилось, чтобы я нарушил слово! – заверил Филипп. – Но пусть мингер Путс поторопится: пламя выбивается из-под двери!

Дрожащими руками лекарь отомкнул дверь и поспешно ретировался вверх по лестнице. Филипп оказался прав: ему пришлось несколько раз сбегать с ведром за водой, прежде чем огонь окончательно утих. За все время, пока он работал, ни отец, ни дочь не показывались.

Завершив свое дело, юноша прикрыл дверь и взглянул на окно второго этажа. Из него тотчас же выглянула темноглазая красавица, и Филипп успокоил ее, что теперь все в полном порядке.

– Благодарю вас, молодой человек, – сказала она. – Несмотря на необдуманность и безрассудность вашего поведения вначале, впоследствии вы проявили себя как разумный и добрый юноша.

– Передайте вашему отцу, сударыня: я не имею против него ни злобы, ни вражды и через два дня зайду к нему и принесу то, что должен.

Окно захлопнулось, и Филипп, еще более возбужденный, чем раньше, но переполненный совсем иными чувствами, нежели те, с какими он явился к дому мингера Путса, направился к себе.

Глава III

Роковое письмо

Красивая дочь лекаря произвела на юного Вандердеккена сильное впечатление. Новое чувство присоединилось к тем, что волновали душу Филиппа. Придя домой, он кинулся на постель, с которой утром его поднял Путс. Прелестный образ девушки еще некоторое время носился в воображении молодого человека, но скоро был изгнан мыслью о том, что в соседней комнате лежит мертвая мать, а тайна отца, Виллема Вандердеккена, до сих пор заперта внизу в гостиной.

Погребение назначили на завтрашнее утро, и Филипп, который после знакомства с прекрасной дочерью безобразного доктора несколько охладел к страшной тайне покойной матери, решил до похорон не отпирать таинственную комнату. На этом он заснул и, измученный душевно и физически, проспал до утра, когда священник разбудил его: печальная церемония уже началась. Через час все закончилось, провожавшие тело на кладбище разошлись по домам, а Филипп, вернувшись в опустелое жилище, запер дверь на тяжелый засов и почувствовал облегчение от того, что теперь он один и никто ему не мешает.

Войдя в комнату, где еще час тому назад лежало тело матери, Филипп снял со стены шкафчик и возобновил прерванную накануне работу. Вскоре он отделил заднюю стенку и нашел потайной ящичек. Выдвинув его, Филипп обнаружил, как и предполагал, большой ключ с легким налетом ржавчины, а под ним – сложенную вчетверо выцветшую от времени бумажку с текстом, написанным рукой Катрины Вандердеккен.

«Прошло две ночи, с тех пор как ужасный случай внизу вынудил меня запереть гостиную, и до сих пор мне кажется, будто голову мою от потрясения разрывает на части. Если я при жизни не успею или не захочу никому признаться в том, что произошло, все равно этот ключ понадобится: когда я умру, комнату откроют, а иначе дверь выломают. Выбежав оттуда, я бросилась наверх и до утра сидела подле своего сына. Утром я набралась смелости, сошла вниз и заперла гостиную, а ключ принесла в свою спальню. Пусть та злополучная комната стоит запертой, пока не пробьет мой час. Никакие лишения или нужда не заставят меня изменить свое решение, хотя в железном ларце в буфете подальше от окна довольно денег, чтобы мы с сыном жили безбедно. Мне не надо их – пусть они достанутся моему ребенку. Я не знаю еще, буду ли рассказывать сыну про этот кошмар, сейчас я склоняюсь к мысли, что лучше не посвящать Филиппа в эту тайну и не объяснять причины, заставившие меня поступить именно так, а не иначе. Ключи от шкафа, буфета и железного ларца – на столе или в моей рабочей корзинке. На столе же осталось письмо, но, может, я куда-нибудь переложила его от волнения и страха. Оно запечатано. Пусть никто не вскрывает его кроме моего сына. И ты, мальчик мой, не распечатывай письмо, если я так и не сообщу тебе тайну, – это ради твоего же блага, поверь мне! Лучше отдай его почтительному патеру, так как на письме лежит проклятие. Сыночек мой дорогой, прежде чем сорвать печать с письма, тысячу раз подумай – может, тебе лучше никак не соприкасаться с этой роковой историей, а материально ты вполне обеспечен.

Катрина Вандердеккен».

– «...никак не соприкасаться с этой роковой историей...», – задумчиво повторил Филипп, не отрывая взгляда от записки. – Но, матушка, я обязан с ней соприкоснуться и узнать все. Прости меня, дорогая, если я вопреки твоему желанию не обдумал все тысячу раз – это означало бы даром потерять время, раз уж я бесповоротно вознамерился узнать тайну.

Приложившись губами к подписи матери, сын неторопливо сложил записку, сунул в карман и, взяв ключ, пошел вниз. Было около полудня, солнце ярко светило, небо голубело, и

все в природе улыбалось. Филиппу стало жутковато, и сердце его дрогнуло, когда, с некоторым усилием повернув ключ в замке, он толкнул дверь и отворил ее. Он не сразу ступил в комнату, а задержался на пороге: ему мнилось, что он вторгается в приют какого-то бестелесного духа, который вот-вот предстанет перед ним. Обождав минутку, юноша взял себя в руки, отогнал тревожные мысли, перешагнул через порог и оглядел помещение. Кругом царил полумрак – через щели плотно закрытых ставен пробивались два-три солнечных лучика, в первый момент показавшиеся Филиппу мистическим сиянием. Не отвлекаясь на нелепые фантазии, молодой человек начал рассматривать предметы, для чего принес из кухни свечу. Стояла полная тишина. Стол, на котором, как писала мать, вроде бы, лежало письмо, располагался за дверью, и в первый момент Филипп его не заметил. Юноша прошел через всю комнату к окну, чтобы раскрыть ставни, но когда вспомнил рассказ матери о том, что в роковую ночь они распахнулись и потом закрылись сверхъестественным образом, его руки задрожали. Он все-таки открыл ставни, и целое море света хлынуло в комнату и на мгновение ослепило юношу. Этот ворвавшийся веселый дневной свет смутил Филиппа даже больше, чем прежний полумрак. Со свечой в руке молодой человек вышел в кухню, сел, опустив голову на руки, и некоторое время посидел в глубокой задумчивости, прежде чем собрался с духом снова пойти в гостиную. На этот раз он чувствовал себя уверенно и принялся разглядывать обстановку.

Одно окно. Против входной двери камин. По обе его стороны два буфета из темного дуба. Пол чистый, хотя пауки протянули по нему во всех направлениях свои тенета. С середины потолка спускался зеркальный шар – обычное в то время украшение гостиных; его окутала густая сеть паутины, и он напоминал громадный кокон. Над камином – две-три картины в рамах со стеклами, затянутыми сплошным слоем пыли, сквозь который не удавалось различить изображения. На камине – живописный образ Пресвятой Девы Марии в небольшом серебряном киоте, потемневшем и потускневшем настолько, что стал походить на темную бронзу или чугун. По обе стороны киота – индийские фигурки и вазочки. Что скрывалось за стеклянными дверцами буфетов, Филипп не понял из-за толстого слоя пыли: похоже, там размещалось столовое серебро, которое еще не совсем почернело и слегка поблескивало. На стене против окна – тоже картины в рамах с запыленными стеклами и две птичьи клетки. Филипп приблизился к ним и заглянул: бедные пленницы давно закончили свое существование, на дне клеток лежали маленькие кучки светло-желтых перышек, по которым можно было безошибочно сказать, что питомиц, когда-то живших здесь, привезли с Канарских островов. Филипп продолжил осмотр комнаты, оттягивая тот момент, когда он собирался приступить к поискам того, что интересовало его всего более, чего он опасался и вместе с тем очень хотел найти.

Стулья и кресла вдоль стен. На одном из них что-то из белья. Филипп взял в руки и убедился: это его детская рубашечка, когда он был ребенком. У стены против камина – стол, кушетка, рабочая корзинка матери и, вероятно, роковое письмо. Когда Филипп посмотрел за дверь, где был стол, пульс у юноши сильно забился, но он усилием овладел собой. На этой же стене за дверью висело разное оружие, на кушетке рядом со столом, очевидно, и сидела мать в тот вечер, когда отец – или призрак отца – посетил ее. Рабочая корзинка со всеми принадлежностями рукоделия стояла на столе, там, где мать ее и бросила, в страхе убежав из комнаты. Ключи, о которых она упоминала, лежали тут же, но, сколько ни смотрел Филипп, письма он нигде не видел: ни на столе, ни на кушетке, ни на полу. Он приподнял рабочую корзинку, желая убедиться, не попало ли письмо под нее, – нет. Он выложил на стол содержимое корзинки – письма среди него не оказалось. Затем он приподнял и перевернул все подушки на кушетке, но и здесь никаких признаков письма не обнаружилось. У Филиппа как будто камень с души свалился. «Я так и знал! Все это была игра больного воображения, – подумал он. – Матушка, видно, уснула, и ей приснилась ужасная история. Не могло такое произойти. Без сомнения, сон оказался слишком ярким, живым, напоминал страшную действительность и отчасти повлиял на мозг моей впечатлительной матушки – этим все и объясняется. Да-да, мое предположение

верно. Бедная матушка! Как много ты выстрадала из-за этого сна, но теперь ты удостоилась награды на Небе и обрела наконец желанный покой».

Немного погодя Филипп достал из кармана записку, найденную вместе с ключом, и начал ее перечитывать: «... в железном ларце в буфете подальше от окна...» Так. Взяв со стола связку ключей, он пошел к буфету, подобрал нужный ключ, открыл деревянные дверцы, увидел железный ларец и отпер его другим ключом. Глазам юноши явилось настоящее богатство – до десяти тысяч гильдеров в маленьких желтеньких мешочках. «Матушка страдалница! – пожалел он. – Страшный сон довел тебя до нужды, почти до нищеты, когда в твоём распоряжении имелось целое состояние!» Филипп положил все желтые мешочки на место и запер ларец и буфет, взяв на свои неотложные нужды несколько золотых монет из одного полупустого мешочка. Его внимание привлекла верхняя часть буфета, которую он открыл опять же с помощью одного из ключей на связке: фарфор, серебряные сосуды, чаши и кубки – все высокой стоимости. Полюбовавшись посудой, юноша замкнул дверцы буфета и бросил ключи на стол.

Неожиданное богатство укрепило его в убеждении, что никакого рокового пришествия отца, равно как и проклятия, в сущности не было. Это успокоило Филиппа, настроение его улучшилось, и, опустившись на кушетку, он стал думать не о мистических явлениях, а о вполне земных радостях, а именно о прелестном видении в окне дома мингера Путса. Помимо его воли воображение рисовало ему чудесные воздушные замки и картины полнейшего блаженства. Так он просидел часа два, потом его мысли вернулись к бедной матери и ее тяжелой кончине.

– Милая добрая матушка! – вслух сказал он, приподнимаясь с кушетки. – Здесь ты сидела утомленная долгим бдением над моей постелькой, измученная тревогой за своего любимого супруга и моего ушедшего в море отца, которому в бурную ночь грозили тысячи опасностей. Воспаленное воображение вызывало в твоей душе нехорошие предчувствия, а страшный сон породил в твоём сознании картину кошмара. Без сомнения, я прав. Вот и вышивка твоя лежит на полу на том месте, где она выпала из твоих обессиленных во время сна рук, и, быть может, в эту минуту погибло счастье всей твоей жизни! Бедная моя! – Филипп смахнул слезу со щеки и нагнулся, чтобы поднять кусочек кисеи, по которой вышивала мать. – Как много ты вынесла! Боже правый! – Вдруг он прервал восклицание и отпрянул с кусочком ткани в руке. – Да вот оно это письмо! – едва договорил он, и его словно обожгло огнем.

На полу под лоскутком вышивки лежало то самое письмо капитана Вандердекена. Если бы Филипп сразу нашел его на столе, как ожидал, то, вероятно, взял бы его в руки сравнительно спокойно. Но теперь, когда юноша успел убедить себя, что ничего подобного не было, что все это – плод болезненного воображения матери, что его ждет близкое благополучие, это оказалось для него страшным ударом. Молодой человек замер на месте не в силах прийти в себя от ужаса и недоумения. Все его воздушные замки рухнули, и по мере того, как он пытался стряхнуть с себя оцепенение, душа его наполнялась тяжелыми предчувствиями. Он быстро нагнулся, схватил письмо и выбежал из комнаты. «Я не могу, не смею читать его здесь! – пронеслось в голове. – Я ознакомлюсь с ним только под открытым небом перед ликом оскорбленного Божества». Взяв шляпу, Филипп выскочил из дому, запер дверь и зашагал по улице, сам не зная куда.

Глава IV

Тысячи гильдеров

Пусть читатели представят себе чувства приговоренного к смерти преступника, уже смирившегося со своей участью и неожиданно узнавшего, что он помилован, вновь ожившего для надежд и рисующего себе отрадное будущее. И вдруг ему объявляют, что помилование не утверждено и его все-таки казнят. Таково было душевное состояние Филиппа, когда он вышел из дому. Он долго брел, не разбирая дороги, зажав в кулаке письмо и стиснув зубы, наконец, запыхавшись от ходьбы, опустился на скамейку и посидел, бессмысленно уставившись на листок бумаги, который держал обеими руками у себя на коленях. Он повертел его, разглядывая со всех сторон, – листок был сложен вдвое и запечатан черной печатью. Филипп тяжело вздохнул.

– Нет, – сказал он сам себе, – я не могу прочесть его сейчас, потом, попозже.

Еще с полчаса он бесцельно ходил по улицам, до ряби в глазах глядел на яркое солнце, после чего остановился и поискал место, где бы укрыться от прохожих, незаметно сломать печать и прочесть страшное послание из неведомого мира. В нескольких шагах от себя перед небольшой рощицей юноша заметил кустарник и, замаскировавшись там, еще раз осмотрелся, чтобы убедиться, что никто его не видит. Солнце уже садилось, и молодой человек, подумав про себя: «Видно, такова Твоя воля, Господи, и такова моя судьба!» – решил более не медлить. Он вспомнил, что письмо вручил его матери не обычный смертный, – оно содержало тайну бесплотного духа, осужденного или обремененного страшным заклятием, что эта тайна касалась его родного отца и что только в этом письме заключалась надежда на спасение, о котором молил бедный отец. «Какой же я трус! – упрекнул себя юноша. – Зачем я потерял столько времени? Солнце как нарочно задерживается на холме, чтобы дать мне возможность прочитать письмо, даже солнце ждет меня!» Вернув себе обычное мужество Вандердеккенов, Филипп спокойно сорвал печать с вензелями отца и прочел следующее:

«Дорогая Катрина!

Одному из тех милосердных духов, которые льют слезы и скорбят о преступлениях смертных, было дозволено сообщить мне тот единственный способ, каким с меня можно снять ужасное проклятие. Если бы на палубе моего судна оказалась та святыня, которой я поклялся, если бы я приложился к ней с полным раскаянием и уронил на священное древо Животворящего Креста хоть одну слезу глубокого раскаяния, душа моя обрела бы покой.

Каким образом это сделать и на кого возложить выполнение столь трудной миссии, я не знаю, но, Катрина, у нас с тобой есть сын – впрочем, нет, пускай он ничего не знает обо мне, а ты молись за меня и прощай!

Виллем Вандердеккен».

«Значит, это правда, ужасная правда, – застучало у Филиппа в висках, – и на моем отце по сей день лежит проклятие! И он указывает на меня! А что ему еще остается? Разве я не сын его, разве это не мой долг? Да, отец! Ты недаром писал эти строки! Надо прочесть их еще раз». Филипп хотел поднести письмо к глазам, но его уже не было. Как? Он ведь только что держал его в руке? Юноша стал шарить на траве подле себя, полагая, что выронил письмо, – увы, оно исчезло бесследно. Неужели письмо – тоже призрак? Нет! Он только что прочел его от слова до слова и запомнил текст. «Значит, письмо было обращено исключительно ко мне, – догадался Филипп, – и мне, лишь мне одному предназначена трудная миссия. Что же, я принимаю ее на себя с полной готовностью!» Филипп встал на колени и произнес:

– Слушай меня, отец, если тебе дано слышать! Слушай, милостивое к нам, грешным, Небо! Слушайте сына, который на этой священной реликвии клянется, что снимет с отца проклятие или погибнет, если так ему суждено. Сын посвятит этому всю жизнь и, исполнив свой долг, умрет в надежде на лучшую долю и мир с самим собой. Пусть Небо, принявшее богохульную клятву моего отца, примет ныне и так же занесет на свои скрижали клятву сына, произнесенную над тем же Животворящим Крестом Господним, и если я нарушу клятву, да падет на меня кара более тяжелая, чем на моего отца!

Филипп уткнулся лицом в землю, прижав к губам святыню. Солнце зашло, сгустились сумерки, а юноша все еще пребывал в немой молитве и размышлении. Несколько человек расположились поблизости от него в рощице на траве. О чем они говорили, Филиппа не интересовало, но их голоса заставили его встрепенуться и вернули к действительности, и первым его побуждением было встать и идти домой. Но тут юноша уловил вскользь брошенное имя мингера Путса, прислушался и понял, что в зарослях прячутся четверо беглецов из арестантских рот и намереваются этой ночью напасть на жилище доктора, у которого, по их убеждению, в доме напаяно полным-полно денег.

– Все делаем, как я наметил, уяснили? – прошептал первый голос, очень уверенный, по-видимому, зачинщика. – Старый лекаришка живет с дочкой, больше у них никого нет.

– Так дочь и есть его главное богатство, – засмеялся другой. – Заранее предупреждаю: красавица – моя.

– Ты нахал, Битенс! Так мы тебе ее и отдадим! – захихикал первый. – Хотя если ты выкупишь ее у нас, то черт с тобой. Вопрос в цене...

– И сколько вы хотите отступного?

– Пятьсот гильдеров.

– Эге! Ладно, но при условии: если на мою долю не придется такой суммы из общего барыша, а выпадет меньше, я все равно получу девушку за столько, сколько у меня будет.

– Об этом не беспокойся, – заверил первый. – По слухам, у старика в кошле свыше двух тысяч гильдеров. Вот так-то! Ну а вы, ребята, что молчите? Отдадим Битенсу девицу за пятьсот?

– Пусть берет, если невтерпеж, а нам сейчас важнее денежки, – угрюмо отозвались еще двое.

– Спасибо, друзья! – воскликнул тот, кого называли Битенсом. – Вы зря считаете меня подлецом: девушку эту я любил и хотел жениться на ней, но старый филин отказал мне, юнкеру флота, почти офицеру! Ну ничего, он у меня попляшет, как только мы до него доберемся!

– Сейчас пойдем, Джон, или обождем, как все угомонятся? Через час взойдет луна, и нас могут увидеть, – пугливо сказал третий.

– Кто нас увидит? – возразил Джон, явно зачинщик. – Чем позже, тем лучше. До дома лекаришки отсюда полчаса ходу. Выдвигаемся через полчаса и как раз подгоним так, чтобы месяц светил нам, когда мы начнем вытаскивать из сундуков и пересчитывать денежки, ха-ха! Заряжу пока карабин, чтоб потом не терять времени.

– Ты в этом деле ас, тебе и темнота нипочем.

– Еще бы! Эх, и всажу я старому скряге пулю прямо в лоб!

– А я не буду в него стрелять, – нерешительно произнес четвертый голос. – Он однажды спас мне жизнь, когда другие врачи заявили, что мое положение безнадежное.

Филипп так встревожился за доктора и еще больше за его прекрасную дочь, что позабыл о своем несчастном отце, роковом письме и страшной клятве, которой отныне связал себя. Не дослушав бандитов, он дополз до рощи, незаметно выбрался на дорогу, во весь дух помчался к дому мингера Путса и меньше чем через двадцать минут постучался у входа. Кругом было тихо и безлюдно, дверь, как всегда, заперта на надежные засовы. Филиппу никто не ответил. Он постучал громче и настойчивее, теряя терпение. Не иначе, мингера Путса вызвали к больному,

а девушке запрещено подходить к двери. Тогда Филипп закричал достаточно громко, чтобы его услышали в доме:

– Барышня, вашего отца сейчас нет, верно? Я – Филипп Вандердеккен. В эту ночь четверо злодеев собираются убить вашего отца и украсть его деньги. Через несколько минут они будут здесь, и я пришел предупредить вас и защитить, если смогу. Клянусь святыней, которую вы мне вернули вчера, что мои слова – правда! – Филипп подождал с полминуты, но ответа не последовало. – Сударыня! – упорствовал он. – Отзовитесь, если вы дорожите тем, что ценнее, чем все золото вашего отца! Отворите окно наверху и выслушайте меня! Вам ничто не угрожает!

Вскоре окошко распахнулось, стройный силуэт прекрасной дочери мингера Путса вырисовался смутным очертанием в окружающей мгле.

– Что вам здесь нужно, молодой человек, в такое время? Что вы так настойчиво хотите сообщить мне? Я вас не поняла – из дома плохо слышно.

Филипп подробно рассказал все, что узнал, и в заключение попросил, чтобы она впустила его в дом, – иначе как же он защитит ее от разбойников?

– Прекрасная барышня, вы в опасности! Ведь они уступили вас за пятьсот гильдеров одному из этих негодяев – кажется, его зовут Битенс. Я знаю, что вы не дорожите деньгами, но подумайте о себе, разрешите мне войти в дом и, молю вас, не сомневайтесь в моей честности!

– Как имя этого человека? Битенс? – переспросила девушка.

– Они так его называли, и он говорил, что любил вас.

– Это имя мне знакомо, я его хорошо помню, но не знаю, что мне теперь делать. Отца позвали к роженице, и он, наверное, не скоро вернется. Как же я могу отпереть вам дверь ночью, когда отца нет дома? Я ведь совершенно одна и беззащитна. Я не должна так поступать. Однако я верю вам и не допускаю мысли, что вы такой подлец, чтобы выдумать подобную историю.

– Нет, клянусь вам! Вы правы – осторожность на первом месте, но сейчас вы рискуете жизнью и честью, поэтому прошу вас впустить меня.

– Допустим, я отопру вам дверь, как вы в одиночку дадите отпор четверым? Они скоро одолеют вас, и тогда погибнет еще одна жизнь без всякой пользы.

– Если у вас в доме есть оружие, – а я думаю, что ваш отец позаботился об этом, – то вы увидите, что вам нечего бояться: у меня хватит смелости и навыков оградить вас от мерзавцев!

– Знаю, что вы решительны и способны прийти на помощь, искренне благодарю вас за вашу готовность, но... я не смею открыть вам дверь.

– Коли вы не впустите меня в дом, я останусь у дверей безоружный и почти беззащитный против четверых вооруженных грабителей. Все же я постараюсь сделать все, что в моих силах, чтобы защитить вас от них, и не сойду с этого места, пока жив.

– Значит, я окажусь вашей убийцей? – воскликнула девушка. – Нет, это не годится. Поклянись, молодой человек, всем святым и всем самым чистым и непорочным на земле, что вы не обманываете меня.

– Клянусь тобой, прекраснейшая девушка, которая отныне мне дороже всего на свете!

Окно закрылось, в нижнем этаже загорелся свет, а спустя минуту тяжелая входная дверь со скрипом отворилась. Прелестная дочь мингера Путса стояла на пороге со свечой в правой руке, румянец то приливал к ее щекам, то, наоборот, они становились матово-бледными; девушка тяжело дышала от сдерживаемого волнения, в опущенной левой руке она держала, пряча в складках платья, пистолет, по-видимому, заряженный. Филипп заметил его, но не подал виду, не желая смущать барышню.

– Если вы колеблетесь или передумали, – сказал он, – если вам кажется, что вы поступаете дурно, впуская меня в дом, если вы подозреваете меня в чем-то нехорошем, еще не поздно: никто не помешает вам сейчас же захлопнуть дверь у меня под носом. Как видите, я

пока не переступил порог вашего дома. Но ради вас самой умоляю: позвольте мне остаться – прежде чем взойдет луна, разбойники явятся сюда. Я собственной грудью стану защищать вас до последней минуты – только доверьтесь мне. Да и кто кроме отъявленных подонков способен причинить вам, почти небесному созданию, хоть малейшее зло?

В эту минуту девушка и впрямь выглядела настолько обворожительной, что ею нельзя было не залюбоваться. Тонкие, словно точеные черты ее лица то ярко освещались огнем вспыхивавшей свечи, то оставались в тени, когда задуваемое ветром пламя ослабевало; стройная фигура в наряде необычного покроя казалась еще грациознее. Дочь лекаря стояла с непокрытой головой, и длинные густые косы свободно ниспадали ей на грудь. Все в ней – и лицо, и наряд – сразу изобличало чужестранку, и всякий знакомый с разными народами и типами рас тотчас же признал бы в ней женщину арабской крови. Обращаясь к Филиппу и стремясь проникнуть в его самые сокровенные мысли, она смотрела ему прямо в глаза и видела в них столько искренности и чистосердечия, а во всем поведении юноши – столько благородства и прямоты, что совершенно перестала бояться его и после минутного колебания спокойно произнесла:

– Заходите, молодой человек, я вам верю.

Филипп вошел, и они вместе заперли и забаррикадировали дверь.

– Нельзя терять времени! – оживился Филипп. – Надо готовиться к обороне. Как ваше имя? Как мне вас называть?

– Амина, – тихо ответила девушка, немного отступив в темноту.

– Благодарю вас за доверие, Амина. Имеется у вас в доме какое-нибудь оружие, патроны?

– Да. Есть и то и другое. Но лучше бы отец вернулся.

– Я тоже желаю, чтобы он вернулся, до того как придут убийцы. Но не дай бог, если он окажется у дома в момент нападения: я уже говорил вам, что один из разбойников, кажется, Джон, хочет выстрелить вашему отцу прямо в лоб. Если бандиты захватят мингера Путса, они его не пощадят или потребуют в качестве выкупа все его деньги и вас, Амина. Где оружие?

– Следуйте за мной! – решительно ответила девушка и направилась в одно из помещений верхнего этажа, оказавшееся кабинетом ее отца: вдоль всех стен тянулись полки, заставленные баночками, склянками и коробочками с лекарствами, в одном углу помещался большой железный сундук, а над камином висели несколько ружей и три пистолета. – Все они заряжены! – объявила Амина и положила на стол пистолет, который сжимала в руке.

Филипп снял со стены оружие, внимательно осмотрел все курки, затем проверил пистолет Амины, убедившись, что и он заряжен, после чего спросил с усмешкой:

– Вы собирались меня застрелить, Амина?

– Нет, не вас, а разбойников, если бы им удалось пробраться сюда.

– Я встану к тому окну, что вы открывали, в комнате должна быть полная темнота; вы сидите здесь, а если вам так спокойнее и безопаснее, то заперитесь на ключ.

– Вы меня плохо знаете, – вспыхнула Амина, – я не боюсь врагов. Я считаю себя вправе остаться подле вас и заряжать оружие, чему я хорошо обучена, вы сами убедитесь.

– Нет, – воспротивился Филипп, – это недопустимо. Вас, не приведи Господь, ранят, я ведь буду стрелять из окна, завяжется перестрелка.

– Вы полагаете, я соглашусь бездельничать, затворившись в четырех стенах, в то время как я обязана помогать человеку, который ради меня рискует жизнью? Я понимаю свой долг, сударь, и исполню его.

– Вам нельзя рисковать собой, Амина, – возразил Филипп, – моя рука лишится твердости, если я поминутно буду думать, что вам грозит опасность. Давайте отнесем оружие в ту комнату – у нас мало времени.

Оба разложили ружья и пистолеты на столе у окна, после чего Амина ушла в кабинет отца, унося с собой свечу. Оставшись один, Филипп открыл окно и высунулся на улицу – никого, прислушался – тихо, нигде ни звука. Луна начинала всходить из-за далекого холма,

но ее застилали легкие облачка. Юноша продолжил вслушиваться в тишину и наконец уловил внизу сдавленный шепот. Он осторожно выглянул и с трудом различил у входной двери четыре темные фигуры. На цыпочках он отошел от окна и завернул в соседнюю комнату, где Амина готовила патроны.

– Эти гады уже на месте, – тихо сообщил Филипп, – совещаются у двери. Можете сами посмотреть: нас из окна не видно. Вы убедитесь, что я вам не лгал.

Девушка выскользнула в соседнюю комнату, быстро глянула сквозь штору и, вернувшись, ласково положила руку на плечо Филиппа:

– Простите мне мои сомнения! С вами я не боюсь никаких разбойников, но боюсь за отца: вдруг он вернется раньше? Они же схватят его!

Филипп прокрался к окну для рекогносцировки. Четверо все еще находились у входа: дверь была так крепка, что даже общими усилиями бандиты не могли ее вышибить, поэтому решили действовать иначе. Они постучали – никто не отозвался, загромыхали сильнее – бесполезно, снова начали что-то обсуждать и спорить, после чего приставили дуло карабина к замочной скважине и выстрелили. Замок сорвало, но железные болты изнутри и крепкие металлические засовы вверху и внизу по-прежнему удерживали дверь. Юноша хотел выстрелить в злодеев тотчас, как увидел их из окна, но его природная честность и порядочность не позволяли ему убивать людей, даже гнусных, без крайней необходимости. Поэтому он сдерживал себя до тех пор, пока враги не напали первыми. Тогда он поднял карабин вровень с головой одного из разбойников: того, который приложил глаз к замочной скважине и осматривал действие, произведенное выстрелом, – и спустил курок. Негодяй повалился мертвым, а его подельники враз отпрянули от двери, точно пораженные громом. Но в следующий момент кто-то из троих выпалил в Филиппа, который опасно свесился из окна, пытаясь разглядеть, достиг ли цели его выстрел. К счастью, разбойник промахнулся, и, прежде чем молодой человек успел понять, что ему угрожала смертельная опасность, Амина, очутившись подле, оттащила его от окна.

– Что вы делаете, Филипп? Безрассудно высовываться вперед! – горячо прошептала она. «Она назвала меня по имени», – возликовал он в душе, но не проронил ни слова.

– Вы себя выдали! Теперь враги начнут подстерегать вас у окна, – продолжала Амина, – возьмите другое ружье и идите в коридор или сени. Если они сорвали дверной замок, то сумеют просунуть в отверстие руку и, пожалуй, сшибить засовы. Надеюсь, это им не удастся, но уверенности нет. Вам лучше занять оборону в сенях, где вас не ожидают увидеть.

– Вы правы, – согласился Филипп, спускаясь по лестнице.

– Но заметьте, вам нельзя стрелять оттуда больше одного раза! Если вы убьете второго преступника, их останется двое, и тогда они не смогут одновременно караулить окно и ломиться в дверь. Идите, я заряджу карабин!

Сойдя вниз в полной темноте, Филипп приблизился к двери и заметил, что один из бандитов, просунув руку в брешь на месте свороченного замка, старается дотянуться до верхнего болта и отодвинуть его. Юноша прицелился, чтобы спустить курок и всадить в злодея весь заряд, как вдруг на улице грянул выстрел. «Амина высунулась из окна и, наверное, ранена!» – промелькнуло у Филиппа в голове. Движимый чувством мести, он выстрелил через брешь во врага и помчался вверх узнать, что с девушкой. Возле окна ее не оказалось, он кинулся в соседнюю комнату и застал ее спокойно заряжавшей карабин.

– Господи! Как вы напугали меня, Амина! Я услышал выстрел и решил, что вы показались в окне и что они стреляли по вам!

– Нет, что вы! Я подумала о другом: когда вы станете стрелять через дверь, они ответят вам тем же и ранят вас, поэтому побежала к окну и высунула из него на палке старый сюртук отца, а поскольку злодеи подстергали вас в окне, то, конечно, тотчас же выпалили.

– Право, Амина, я не ожидал столько храбрости и хладнокровия от такой молодой прекрасной девушки, как вы! – восхитился Филипп.

– Разве только старые и безобразные люди отличаются мужеством и рассудительностью? – улыбнулась она.

– Я не это хотел сказать, Амина, но сейчас не время, мне надо бежать к двери. Дайте мне этот карабин и возьмите мой!

Филипп бросился вниз разведать обстановку, но едва дошел до двери, как с улицы донесся голос мингера Путса. Амина, тоже услышав голос отца, в одну минуту очутилась подле юноши, в обеих руках она сжимала по пистолету.

– Не бойтесь, Амина, их осталось всего двое. Мы спасем вашего отца! – И Филипп поспешно отодвинул засовы.

Дверь распахнулась, молодой человек с карабином выскочил на улицу: мингер Путс лежал на земле, и один из убийц уже занес над жертвой нож, но меткая пуля Филиппа предотвратила смертельный удар. Последний бандит, понимая, что терять ему нечего, схватился с Вандердеккеном врукопашную. Неизвестно, чем окончился бы этот поединок, если бы не Амина: выбрав удачный момент, она подбежала и с близкого расстояния выстрелила в преступника. Мингер Путс, возвращаясь домой, еще издали услышал выстрелы, тревога за дочь и за сундук с деньгами придала ему крылья – доктор даже не подумал о том, каким образом он, слабый, беззащитный и безоружный старик, может дать отпор вооруженным молодым головорезам. Добежав до дома, он, вконец обезумевший, с воплем кинулся на двух разбойников, которые тотчас повалили его и, конечно, отправили бы на тот свет, если бы Филипп вовремя не подоспел и не спас доктора от гибели. Едва последний злодей рухнул, истекая кровью, Филипп поднял доктора Путса и, как малого ребенка, на руках отнес его в дом. От страшного испуга и нервного перевозбуждения старик находился в полубессознательном состоянии, но вскоре пришел в себя и завопил:

– Амина! Дочка! Где моя дочь? Где?

– Я здесь, отец, со мной все в порядке, – отозвалась Амина.

– Ах, дитя! Ты жива и невредима. Ой, да, иди сюда... теперь вижу... А деньги? Где мои деньги? – снова заголосил он и вскочил с постели.

– Деньги в сохранности, отец.

– Ой, правда? Все целы? Ты это точно знаешь? Дай-ка мне проверить...

– Сундук не тронут, отец, никто даже не прикоснулся к нему, и все благодаря человеку, по отношению к которому ты поступил нехорошо.

– К какому человеку? Кто это? О ком ты говоришь? А, вижу, Филипп Вандердеккен, помню-помню: он должен мне три с половиной гильдера да пустую склянку. Так это он спас тебя и наши деньги?

– Да, отец. Он рисковал собственной жизнью.

– Ну ладно. Я готов простить ему долг, весь, полностью... Но склянка-то ему зачем? Пусть вернет. Дай мне воды, Амина.

Старик застонал, заохал и сделал вид, что ему очень плохо. Филипп предоставил его заботам дочери и, прихватив пару заряженных пистолетов, вышел из дому посмотреть на тела разбойников. Луна выглянула из-за туч и, сияя высоко в небе, светила так ярко, что далеко было видно вокруг. У двери лежали, распростершись, двое – оба мертвые. Тот, что пытался ударить ножом мингера Путса, корчился в последних судорогах, другой хрипел и истекал кровью. Филипп нагнулся над ним и что-то спросил, но тот вместо ответа только вытаращил глаза, два раза дернулся и замер. Отобрав у всех четверых оружие, юноша вернулся в дом. Мингер Путс чувствовал себя лучше.

– Благодарю вас, мингер Вандердеккен, вы спасли мое дитя и мои деньги! Правда, их немного, даже совсем мало, ведь я беден, но все равно спасибо. Желаю вам прожить долгие годы в счастье и благополучии.

Теперь, когда с разбойниками было покончено, Филипп внезапно вспомнил о письме и клятве, которую он принес сегодня, и по его лицу пробежала мрачная тень.

– Долгие годы в счастье... – пробормотал он. – Нет, это не для меня, – добавил он и покачал головой.

– Я тоже благодарю вас от всего сердца, – проговорила Амина, вопросительно заглядывая юноше в лицо. – Право, если бы не вы, я не представляю, что с нами стало бы. Мы очень и очень вам признательны!

– Да, юноша, – перебил Амину отец, – мы люди благодарные, но очень бедные. Если я так переживал о своих деньгах, то лишь потому, что у меня их мало, и для меня трагедия – лишиться последних сбережений. Но вы можете не платить мне три с половиной гильдера, что задолжали, – ради вас я готов их потерять, мингер Филипп!

– Нет, зачем же вам их терять, мингер Путс? – улыбнулся Филипп. – Я обещал вам заплатить и сдержу свое слово. У меня есть деньги, даже больше, чем мне нужно. В моем распоряжении тысячи гильдеров, и я не знаю, что с ними делать.

– У вас тысячи гильдеров? Как? Целые тысячи?! А сколько тысяч?! – трубно закричал еще недавно еле живой Путс, едва не подпрыгивая на месте. – Нет, молодой человек, вы шутите.

– Повторяю, мингер Путс, и вы знайте, Амина, что у меня дома лежат без всякого употребления тысячи гильдеров. Зачем мне брать грех на душу и лгать? Тем более вам...

– Я верю вам, Филипп, как отныне верю во всем, – сказала девушка.

– В таком случае, если вы так богаты, то, зная нашу бедность, может, вы...

Амина зажала отцу рот ладонью, и старик не сумел договорить.

– Отец, нам пора спать. Вам тоже нужно хорошенько отдохнуть, Филипп, от всех сражений, – добавила девушка.

– Я знаю, Амина, но после случившегося я всю ночь не сомкну глаз. А вы ложитесь спать и никого не бойтесь. Спокойной ночи, мингер Путс. Я только попрошу у вас лампу, ибо до рассвета еще далеко, и сразу уйду. Доброй ночи, Амина!

– Доброй ночи! – ответила красавица, протягивая ему руку. – Премного благодарим вас!

– Тысячи гильдеров! У него столько денег! – шамкал старик, провожая глазами Филиппа, пока тот выходил из комнаты и спускался по лестнице.

Глава V

Любопытство и другие чувства

Филипп не пошел домой, а сел возле двери дома мингера Путса, устало смахнул волосы со лба и подставил его обдувать ветру; волнения, потери и тревоги последних дней вызвали у молодого человека что-то вроде нервной лихорадки, общее недомогание и слабость. Ему очень хотелось забыться хоть на время, поспать и восстановить силы, но о каком отдыхе и спокойствии теперь могла идти речь? Его томили скверные предчувствия, он уже видел впереди бесконечный ряд опасностей, бедствий, невзгод и даже свою смерть, преждевременную и насильственную, причем был так измотан и физически и нравственно, что смотрел на грядущие несчастья без малейшего ропота или жалобы, словно они касались не его, а кого-то другого. Он ощущал себя так, словно начал жить всего три дня назад, а все, что было раньше, казалось ему теперь бессознательным существованием, и от этого на душе у юноши становилось еще тяжелее. Все мысли его вращались вокруг рокового письма. Его загадочное исчезновение со всей очевидностью указывало на две вещи: во-первых, на сверхъестественное происхождение послания, а во-вторых, на то, что оно предназначалось именно ему, Вандердеккену-младшему, сыну проклятого Виллема, и никому другому, и не случайно семейная реликвия – частица Животворящего Креста Господня, которой в безумном гневе своем поклялся отец, – тоже оказалась в руках его наследника.

«Судьба моя предрешена, долг очевиден, – думал Филипп, – и я выполню его, чего бы это мне ни стоило. – На секунду перед ним предстал образ прелестной девушки. – Но Амина? Неужели такому ангельскому созданию суждено быть связанным с моей горькой судьбой? В этом убеждают события последних дней. Впрочем, нет, с чего я взял? Это известно лишь одному Небу, и пусть будет на все Его святая воля! Я поклялся – чему Господь свидетель – посвятить жизнь облегчению страшной участи своего отца, но разве мой обет мешает мне любить Амину? Нет! Мой отец – моряк, ходивший в опасные дальние плавания, даже в Индию, – ведь проводил же дома целые месяцы, виделся с женой, моей матушкой, и со мной, вел свои дела на берегу, что не мешало ему, отдохнув в кругу семьи, вновь возвращаться к своим корабельным обязанностям. Мне тоже предстоит скитаться в открытом море, бороздить океаны и подолгу жить вдали от родины. Но меня, как и отца, после каждой экспедиции будет тянуть сюда, в родную гавань, так зачем лишать себя отрады счастливого возвращения к дорогой моему сердцу женщине, ее любви, ласки, заботы? Такая девушка, как Амина, если полюбит один раз, то непременно глубоко, искренне, до конца своих дней. Но имею ли я право убеждать ее связать свою жизнь со мной – человеком, обреченным Провидением на лишения и невзгоды, а может, и на раннюю смерть? Впрочем, как говорила покойная матушка, жизнь каждого моряка в руках Божьих, в бурю и непогоду он – игрушка сердитых волн, с которыми ему приходится сражаться. Кроме того, я избран свыше для трудной миссии, а раз так, то Небеса, быть может, пощадят меня до тех пор, пока я волею Господа не исполню свою клятву. Но когда это произойдет и чем закончится? Смертью? Да, как обычно. Все люди рано или поздно умрут, и никто из них не знает, когда пробьет его час».

На горизонте забрезжил рассвет, и юный Вандердеккен, устав от мрачных размышлений, грустно улыбнулся при виде румяной зари нарождающегося дня, сладко зевнул, дал волю одолевшей его дремоте и заснул в той же позе, в какой просидел всю ночь. Легкое прикосновение к плечу заставило его очнуться, и он моментально сунул руку за пазуху, где держал пистолет. Страхнув остатки сна, он увидел перед собой Амину.

– Вы собирались меня застрелить, Филипп? – лукаво спросила девушка, повторяя его вчерашнюю фразу.

Он тоже помнил их разговор, поэтому ответил:

– Нет, не вас, а разбойников, если бы они попытались нарушить ваш покой.

– Как великодушно с вашей стороны сидеть здесь всю ночь и сторожить нас после столь утомительного и тяжелого для вас дня!

– Я до рассвета не спал.

– Так ложитесь, ради бога, и отдохните. Отец поднялся рано, вы можете прилечь на его кровати.

– Благодарю, но мне не хочется. Нам предстоит много дел. Нужно отправиться к бургомистру и заявить о происшествии, а трупы должны находиться здесь нетронутыми, пока сюда не явятся представители власти и не удостоверят наши показания. Кто пойдет: я или мингер Путс?

– Лучше пусть идет отец как арендатор дома, на который совершено нападение. А вы побудьте у нас, и если вам не спится, то хотя бы подкрепитесь. Отец уже позавтракал, пойду и скажу ему, чтобы поспешил к бургомистру.

Амина ушла и вскоре вернулась с мингером Путсом, который приветливо поздоровался с юношей. Осторожно пройдя мимо убитых, чтобы случайно не задеть их ногой или тростью, старик направился в город, в конторы местных властей. Пожелав ему удачи, девушка пригласила Филиппа в комнату на верхнем этаже, где дымился свежеприготовленный вкусный кофе, – в то время редкий и дорогой напиток, который юноша никак не ожидал увидеть в доме такого скряги, как Путс. Оказалось, кофе – роскошь, к которой доктор привык еще в молодости и теперь не желал себе в ней отказывать. Филипп, который целые сутки и крошки во рту не держал, не заставил себя долго упрашивать и съел все, что ему предложили. Юная хозяйка, устроившись напротив, молчала и с любопытством разглядывала его.

– Амина, – первым произнес Филипп, – я имел достаточно времени, чтобы все обдумать, пока сидел у вашей двери. Могу я говорить откровенно?

– Да, – ответила она, – я уверена, что вы не скажете ничего такого, чего не подобает слышать молодой девушке.

– Вы не ошиблись. Я размышлял о вас и вашем отце, вам нельзя оставаться в этом доме – он слишком уединен и отдален от других жилых строений, глушь приманивает всяких злодеев – вчера вы в этом убедились.

– Я и сама понимаю, что здесь как-то пустынно и небезопасно для меня, но в первую очередь для отца, который часто отлучается к больным и возвращается поздно, порою за полночь. Но вы ведь знаете его нелюдимый характер. Именно эта уединенность и нравится ему, к тому же, поскольку дом стоит на отшибе, арендная плата за него довольно низкая, а отец экономит буквально на всем, он очень бережлив.

– Бережливый человек тем более заботится о том, чтобы его добро сохранялось в надежном месте, чего никак не скажешь об этом голом пустыре. Вот что, Амина. У меня есть небольшой собственный домик, со всех сторон живут приветливые соседи, которые помогают друг другу и при необходимости выручают из беды. Я скоро покину его, может, навсегда, поскольку планирую с первым же судном отправиться в Индийский океан.

– В Индийский океан? Как? Зачем? Вы заявили вчера, что у вас тысячи гильдеров, то есть никакой нужды в деньгах.

– Да, все верно, но я должен уехать, как того требует мой долг. Не спрашивайте меня, а послушайте, что я вам предлагаю. Поселяйтесь с отцом в моем домике, берегите его, ухаживайте за ним, пока меня нет. Вы окажете мне огромную услугу, если согласитесь. Убедите, пожалуйста, отца, что в моем жилище вы почувствуете себя в полной безопасности. Мне необходимо также поручить на хранение мингеру Путсу свои деньги: в настоящее время они мне без надобности, а брать их с собой я не собираюсь.

– Вы шутите? Разве разумно доверять моему отцу деньги, когда он так пристрастен к ним?

– Но для кого и для чего копил золото ваш отец? Ведь он не унесет его с собой в могилу? Значит, он откладывает богатство для вас, своей единственной дочери. А раз так, то я спокоен, что и мои денежки пребудут в сохранности.

– В таком случае лучше поручите их мне, и тогда они точно уцелеют. Но объясните, пожалуйста, ради чего вам рисковать жизнью, скитаясь по морям, когда у вас имеются такие средства, что вы обеспечены на всю жизнь?

– Я не готов ответить на данный вопрос, Амина. Такова моя сыновняя обязанность, священная, если угодно, – в подробности, особенно сейчас, я не могу вас посвятить.

– Если такова ваша обязанность, не стану докучать вас вопросами. Но поверьте, мной руководило не женское любопытство, а гораздо более высокое чувство.

– И какое же? – насторожился Филипп.

– Я сама едва способна его определить, – промолвила девушка. – Наверное, тут не какое-то одно, а слившиеся воедино разные лучшие чувства: благодарность, уважение, расположение, доверие, доброжелательность. Разве мало?

– Пожалуй, даже много. Я, право, не знаю, когда я успел заслужить все это за столь непродолжительное время нашего знакомства, тем не менее я сам испытываю по отношению к вам, Амина, все эти чувства, причем в превосходной степени. Если вы действительно так хорошо ко мне относитесь, помогите мне: уговорите мингера Путса переселиться в мой домик.

– А сами-то вы как скоро уедете?

– Я еще на некоторое время задержусь в городе, но, вероятно, ненадолго. Если ваш отец не согласится принять меня даже на короткий срок в качестве квартиранта, то я сумею приютиться где-нибудь по соседству; если же он не откажется, то я хорошо заплачу ему за свое пребывание при условии, что вы, Амина, не станете возражать против моего присутствия в доме.

– Конечно, я не возражаю, – сказала девушка. – Вы творите для нас добро, предлагая нам надежное убежище. Как же мы можем изгонять вас из-под вашего же родного крова? Это несправедливо и неблагодарно.

– В таком случае побеседуйте с отцом, Амина. Мне ничего не надо, я не потребую никакой арендной платы за свой дом, наоборот, я сочту, что вы делаете мне одолжение: мне гораздо спокойнее уехать отсюда в твердой уверенности, что вы с отцом – в полной безопасности. Вы обещаете мне, что устроите наш план?

– Я обещаю постараться и надеюсь, что у нас все получится, поскольку имею на отца достаточное влияние. Вот вам моя рука. Вы довольны?

Филипп жадно схватил протянутую маленькую ручку, и чувство взяло в нем верх над сдержанностью: он поднес к губам нежные пальчики и заглянул Амине в лицо, чтобы убедиться, не гневается ли она на такую смелость с его стороны. Но ее темные глаза смотрели на него в упор, как и тогда, когда она решала, впустить его в дом или нет, смотрели так, словно девушка хотела прочесть самые сокровенные мысли Филиппа, и все это время она не отнимала у него руки.

– Не сомневайтесь во мне, Амина, – попросил Филипп, еще раз целуя ее руку, – я никогда не злоупотреблю вашим доверием.

– Надеюсь, то есть я в этом уверена.

Филипп выпустил руку девушки, и Амина села на прежнее место. Некоторое время оба молчали, о чем-то думая.

– Я слышала от отца, – первой начала Амина, – будто ваша матушка жила в бедности и находилась не совсем в своем уме... и что одна из комнат в вашем доме много лет стоит запертой.

- Так и было вплоть до вчерашнего дня.
- Значит, в этой комнате вы и нашли деньги? Разве ваша матушка не знала о них?
- Нет, знала и, умирая, призналась мне.
- Наверняка имелась какая-нибудь уважительная причина не отпирать комнату...
- Конечно.
- Какая же, Филипп? – робко и ласково спросила девушка, словно опасалась рассердить собеседника своим неделикатным вопросом.
- Я не смею и не вправе сказать вам об этом. Давайте считать, что причиной послужил страх перед привидением.
- Каким привидением?
- Моя мать утверждала, что видела призрак моего отца.
- Вы полагаете, это и в самом деле был его призрак?
- Я в этом ничуть не сомневаюсь: матушке действительно явился мой отец. Но лучше переменим тему беседы, Амина, прошу вас, не выпытывайте у меня ничего. Комната теперь отперта, и нет ни малейших оснований бояться возвращения призрака.
- Я вовсе не боюсь, – задумчиво ответила Амина. – Но именно с этим призраком связано ваше решение отправиться в Индийский океан, не так ли?
- Да, это побуждает меня пуститься в плавание. Амина, пожалуйста, не нужно больше вопросов. Мне тяжело вам отказывать, но долг повелевает мне молчать.
- Несомненно, – произнесла Амина после продолжительной паузы, – что вы дорожите той семейной реликвией, благодаря которой мы впервые увидели друг друга. Вот почему мне невольно приходит на ум, что эта священная вещь связана с вашей тайной...
- В последний раз ответу, Амина: да, вы правы. Но больше ни одного слова, – строго, даже сурово сказал Филипп, давая понять девушке, что не намерен обсуждать эту тему.
- Ну вот, – посетовала она, словно немного рассердившись. – Вы так поглощены своими мыслями, что даже не заметили, какое лестное внимание я к вам проявляю, какое живое участие принимаю в ваших делах!
- О боже, простите меня, Амина, если я держался грубовато. Право, я вам очень признателен, но поверьте: эта тайна – не моя, то есть не только моя. Видит Бог, я сам желал бы никогда ее не узнать, ведь она лишает меня надежд на счастье в жизни.
- Филипп умолк и устался в одну точку, удрученный своим горем, а когда поднял голову, то заметил, что Амина смотрит на него темными ласковыми глазами пронизательно и вдумчиво.
- Вы хотите прочесть мои мысли? – усмехнулся юноша. – Раскрыть мою тайну?
- Мне достаточно знать, что ваша тайна изматывает вас и лишает жизненных сил. Следовательно, она ужасна, раз угнетает такого доброго благородного человека, как вы.
- Откуда в вас столько смелости, Амина? – спросил Филипп, уходя от ответа.
- Обстоятельства делают человека храбрым или трусливым. Люди, привыкшие к трудностям и опасностям, не боятся их и умеют совладать с ними.
- Где же вы их встречали в своей жизни?
- Где? Прежде всего в той стране, где я родилась, а потом и дальше, пока мы скитались по свету.
- Амина, расскажите мне, пожалуйста, о своем прошлом. Вы ведь убедились, что я умею хранить тайны.
- Конечно, убедилась. Вы мне это блистательно доказали. Но в данном случае мне и не нужны никакие гарантии: по-моему, вы имеете некоторое право кое-что знать о девушке, которой вы спасли жизнь и уберегли от позора. История моя не такая длинная, но в ней есть важные моменты. Отец мой мальчиком находился на торговом судне своего отца, попал в плен к маврам, и его продали в рабство одному хакиму, то есть мудрецу, ученому в Каире. Обна-

ружив у мальчика большие способности, каким стал приобщать его к врачебному искусству и вскоре сделал своим помощником. Через несколько лет отец не только постиг всю премудрость своего учителя, но и превзошел его в познаниях, тем не менее он оставался в рабстве и принужден был служить своему господину. Вам, как и всем в Тернёзене, известно, что мой отец жаден до денег, но это имеет свои объяснения. Сначала отец хотел разбогатеть, чтобы купить себе свободу, и эта его мечта сбылась не сразу. Ради желанной свободы он принял ислам и стал поклоняться Пророку. Лишь сбросив оковы рабства, отец начал собственную врачебную практику. Вскоре он женился на девушке из арабского племени, дочери богатого шейха; отец буквально воскресил его – тот лежал на смертном одре, и ни один другой целитель не мог его спасти. В той стране, где поселился мой отец со своей красавицей женой, я и родилась. Отец постепенно богател: весь город знал его как искусного лекаря. Но неожиданно случилась беда: умер сын одного бея – отец не смог вылечить этого юношу, страдавшего каким-то редким недугом. На лекаря обрушились гонения: его обвиняли во врачебной ошибке и даже в преднамеренном убийстве, ему грозила казнь; мы потеряли все свое имущество, и отцу пришлось глухой ночью спастись бегством вместе с мамой и со мной – в то время грудным ребенком. Нас, абсолютно нищих, приютило дружественное племя бедуинов, среди которых мы прожили несколько лет. Там я привыкла и к далеким караванным переходам, и к вражеским набегам, и к битвам, и к зверской резне. Я с детства видела смерть и кровь и не падала в обморок. Бедуины щедро платили отцу – он вылечил многих их соплеменников. Дела его постепенно поправились, потому что он постоянно практиковал и ради благополучия нашей семьи брался за любую работу. Когда бей, преследовавший отца, умер, мы вернулись в Каир, и отец стал, как прежде, лечить больных и копить деньги. Врачебное искусство его с годами только оттачивалось, отец сделался известным хакимом, золото потекло к нему рекой. Новый бей завидовал ему по-черному и вынашивал коварные планы, как убить лекаря-выскочку, к тому же чужеземца и бывшего раба, и завладеть его состоянием. По счастью, отца предупредили о готовящемся заговоре, и мы успели вовремя бежать из Каира, прихватив с собой малую часть денег. Подкупив нужных людей, мы на небольшом судне отплыли в Испанию. Как видите, мингеру Путсу не приходилось долго владеть накопленными богатствами – всякий раз случалось нечто такое, вследствие чего он разорялся до нитки. Прибавлю еще: перед тем как мы переселились в Тернёзен, отца ограбили, мы терпели жуткую нужду, но за три-четыре года, что мы здесь, он опять собрал кое-какие средства, откладывая каждую монету. Вот и вся наша история.

– Мингер Путс магометанин?

– Я не уверена. По-моему, он не придерживается никакой религии. Меня, во всяком случае, он не наставлял ни в какой вере. Его Бог – золото, другого он, кажется, не признает.

– А вы?

– Я верю в того Бога, который создал наш прекрасный мир и все, что в нем есть, – называйте такого Бога как угодно. Больше мне ничего не известно о нем, Филипп, хотя меня интересуют вопросы религии. Я слышала, что существует немало вероисповеданий, но все они лишь разными путями ведут к одной цели – познанию Всевышнего. Вы, я знаю, христианин, Филипп, и наверняка убеждены в том, что это истинная вера. Не собираюсь возражать, но все люди считают свою веру таковой. Кто же, по-вашему, прав?

– У меня имеются страшные доказательства того, что моя вера – единственно истинная, но открыть их я не могу...

– Доказательства? Разве в таком случае на вас не лежит обязанность привести их? Или вы поклялись никому ничего не говорить?

– Нет, клятвы я не давал, но не чувствую себя вправе обсуждать такие вещи. Слышите голоса? Похоже, ваш батюшка вернулся с кем-то из властей. Надо спуститься встретить их.

Филипп встал и направился к лестнице. Амина провожала его взглядом, пока он не вышел, и даже после этого все еще продолжала смотреть на закрывшуюся за ним дверь. «Воз-

можно ли? – думала она. – Так скоро? Что ж, от судьбы не уйдешь. Я уверена, что охотнее разделю с ним его тайное горе, скорбь, несчастья, опасности, даже смерть, чем полное довольство и благополучие с каким-либо другим мужчиной. Даже странно, если бы я поступила иначе. Мы с отцом сегодня же переселимся в его дом. Надо идти готовиться к переезду».

Показания потерпевшего мингера Путса и свидетеля происшествия мингера Вандердекена занесли в протокол, тела убитых подвергли осмотру и опознали. Когда полицейские удалились, а трупы увезли, мужчины возвратились к Амине. Не станем приводить их разговор, достаточно того, что старик согласился с доводами относительно переселения, и особенно его привлекло то обстоятельство, что не придется вносить арендную плату. После полудня начали перевозить домашний скарб, а когда совсем стемнело, под присмотром Филиппа и Амины в дом доставили поклажу с деньгами доктора, причем сам он плелся позади тележки, стараясь не отстать ни на шаг и не спуская глаз с сундука. Наступила ночь, когда доктор и его дочь окончательно обустроились на новом месте, заняли свои комнаты и легли спать.

Глава VI

Трудное решение

«Так вот эта таинственная комната, которая столько лет была заперта! – подумала Амина, входя в гостиную рано поутру, задолго до того как Филипп проснулся после предыдущей бессонной ночи. Девушка осмотрела обстановку и заглянула в птичьи клетки. – Бедняжки! – мысленно пожалела она умерших и давно истлевших канареек. – Значит, в этой комнате отец Филиппа явился его матери. Как такое возможно? Но Филипп говорит, что у него есть доказательства, а он никогда не лжет. Если бы Филипп погиб, я была бы счастлива, приди ко мне его дух. Все-таки это дух любимого человека, а не чей-то чужой. Боже, о чем я думаю? Какие глупые мысли лезут мне в голову! Стол опрокинут – почему? Матушка Филиппа испугалась и случайно задела его? Да, наверное, так и было. Вот и корзинка для рукоделия, из которой высыпаны все принадлежности. Беспричинный женский страх, что же еще? Обыкновенная мышь и та вызвала бы ужас у такой нервной женщины, как покойная Катрина Вандердеккен. Даже мне жутковато, оттого что эта гостиная столько лет не видела света, что ни один человек не переступал ее порога. Неудивительно, что Филипп подавлен тайной, связанной с этой комнатой. Ее нельзя оставлять в таком заброшенном состоянии, я приберу здесь и придам обстановке жилой вид».

Амина, с юных лет привыкшая ухаживать за отцом и вести их маленькое домашнее хозяйство, тотчас же взялась за работу. Прежде всего она сняла со стен и мебели, включая шар на потолке, всю паутину. Стол и кушетку девушка переставила на середину комнаты, а клетки вынесла прочь, чтобы потом выбросить. Буфеты, кресла, стулья и остальная мебель были тщательно вычищены и протерты, окно вымыто и распахнуто настежь. Яркое солнце заглянуло в него, и залитая теплым светом опрятная гостиная словно заулыбалась от радости и удовольствия. Амина твердо верила в то, что даже самые тягостные переживания притупляются, если о них не напоминают никакие предметы, амулеты и символы. Именно так она решила облегчить душевные муки Филиппа, которого успела полюбить со всей свойственной ее восточному темпераменту пылкостью. Оглядев комнату и не удовлетворившись результатом, девушка вновь принялась за дело, пока каждая картинная рама, каждый подлокотник кресла и каждая безделушка на камине и полках не засияли чистотой, как новенькие. Рабочую корзинку вместе с нитками, кисеей и начатой вышивкой Амина прибрала в шкаф, ключи, оброненные Филиппом, подняла и положила на стол. Потом открыла оба буфета, вымыла и вытерла стеклянные дверцы и занялась чисткой серебра.

– Амина! – На пороге стоял мингер Путс. – Дочка, что ты делаешь? Боже милосердный, – всплеснул он руками, подходя ближе, – неужели это чистое серебро? Ему ведь цены нет! Стало быть, правда, что у мингера Филиппа тысячи гильдеров? Где же они спрятаны?

– Что ты, отец! Не смей и думать о них! Твои деньги, слава богу, в целости и сохранности, и за это нужно благодарить Филиппа, который отстоял их от разбойников, явившихся убить и ограбить тебя.

– Да, это правда. Но так как он пока живет здесь, сколько он рассчитывает мне платить? Как ты думаешь, он много ест? Он должен щедро вознаградить меня за кров и за стол, раз у него столько денег. – Не обращая внимания на презрительную гримасу дочери, старик продолжал бубнить себе под нос: – Все-таки интересно, где он держит деньги. Он собрался в Индию с первым же судном, а за деньгами кто проследит?

– Я, – ответила Амина, – я сберегу их для него.

– Да-да, мы вместе будем беречь их, ведь судно может утонуть, в море такое часто случается...

– Нет, отец, ты не понял: не мы будем хранить деньги Филиппа, а я. Тебе нет до них никакого дела, береги свои.

Амина поставила вычищенное до блеска серебро обратно в буфеты, заперла их и, взяв с собой ключи, пошла готовить завтрак. Старик прильнул к стеклянным дверцам и залюбовался сквозь них дорогой серебряной посудой, от которой не мог оторвать глаз. Филипп, проснувшись, сошел вниз в кухню и, проходя мимо отворенной гостиной, заметил мингера Путса у буфетов. Резкая перемена в комнате сразу бросилась юноше в глаза и очень обрадовала его. Чувство глубокой благодарности Амине наполнило его душу. В этот момент появилась она сама, неся на подносе завтрак, глаза их встретились и сказали намного больше, чем произнесли бы их уста. Филипп сел за стол в гораздо лучшем настроении, чем вчера.

– Мингер Путс, – проговорил он, – я намерен оставить в ваше пользование свой дом на все время своего отсутствия. Я надеюсь, вам здесь понравится. Кое-какие маленькие распоряжения, которые кажутся мне важными, я сообщу Амине перед отъездом.

– Значит, вы покидаете нас, мингер Филипп? Уходите в море? Это очень приятно – путешествовать, посещать далекие страны, куда лучше, чем сидеть дома. Когда же вы уезжаете?

– Вечером я отправлюсь в Амстердам, чтобы условиться насчет плавания, но я еще вернусь, в ближайшие дни я точно не уйду в море, – улыбнулся Филипп.

– А, вы вернетесь! Да, конечно, ведь у вас здесь деньги и имущество, о которых нужно позаботиться. Будьте любезны, пересчитайте все свои гильдеры, а мы с дочерью обязуемся хранить их как зеницу ока. Где они у вас, мингер Вандердеккен?

– Я расскажу обо всем Амине, когда вернусь. Это произойдет недели через три или раньше.

– Отец, – вмешалась девушка, – ты собирался осмотреть ребенка бургомистра. Тебе пора.

– Да-да... немного погодя... всему свое время, мне нужно прежде кое-что обсудить с мингером Филиппом, у меня возникли вопросы касательно его дел.

Филипп вспомнил, как еще недавно силой заставлял доктора прийти к ним в дом и облегчить страдания умирающей матери, а тот отказывался, ссылаясь на срочный вызов к бургомистру. Как все изменилось за считанные дни! Что, однако, творит с людьми жадность! И сразу же воспоминание о бедной матери болью отозвалось в сердце юноши, и он погрустнел. Амина, тотчас догадавшись, что творится в душе Филиппа и в голове ее отца, недолго думая, принесла шляпу и трость, ласково, но твердо подала их старику и проводила его до двери. Путс, кряхтя и ворча, однако по привычке повинуюсь дочери, поплелся к бургомистру.

– Вы едете так скоро, Филипп?! – воскликнула Амина, когда они остались одни.

– Да, еду сегодня, но надеюсь, как уже говорил, вернуться перед отплытием. Если вдруг по каким-то причинам это не получится, хочу передать вам теперь же свои распоряжения. Дайте, пожалуйста, ключи. – Он отпер буфет и железный ларец, где лежали деньги. – Вот они, Амина. Незачем их пересчитывать, как предлагал ваш отец. Как видите, я не лгал, говоря, что у меня тысячи гильдеров. Но в данное время я в них не нуждаюсь, мне еще предстоит обучиться морскому ремеслу. Когда я возвращусь из плавания, если выживу, то на эти деньги приобрету собственное судно. Поскольку я не ведаю, что мне готовит судьба, считаю нужным заранее позаботиться о необходимом.

– А если с вами, не дай бог, что-то случится? – тихо спросила Амина.

– Тогда деньги перейдут к вам, Амина, точно так же, как и все, что содержится в этом доме, да и он сам.

– Но ведь у вас есть родные...

– У меня только один родственник – дядя; человек он состоятельный, но когда мы с матерью бедствовали, он мало нам помогал, точнее, почти вовсе не принимал в нас участия, поэтому я ему ничего не должен, да он и так обеспечен. В целом мире живет только одно дорогое мне существо, к которому намертво приросло мое сердце, и это вы, Амина! Я хочу,

чтобы вы видели во мне брата, и обещаю, что всегда буду питать к вам самую нежную братскую любовь.

Амина промолчала. Филипп достал из початого мешочка горсть гильдеров на дорожные расходы, затем, замкнув ларец и буфет, отдал ключи девушке. Он собирался сказать ей что-то еще, но в дверь осторожно постучали, и в дом вошел патер Сейсен.

– Храни тебя Бог, сын мой, и тебя, дитя мое, хотя я никогда не видел тебя прежде. Ты дочь мингера Путса?

– Да, – кивнула Амина.

– О, я вижу, Филипп, комната отперта! Я слышал, что произошло, и мне надо побеседовать с тобой. Если можно, пусть милая девушка оставит нас одних.

Амина тотчас вышла, и патер, сев на кушетку, указал Филиппу на место рядом с собой. Разговор продолжался долго: вначале духовный отец начал выведывать у юноши про его семейную тайну, но не добился тех сведений, которые рассчитывал получить. Молодой человек уклончиво сообщил ему примерно то же, что и Амине. Он также объявил патеру, что намерен уйти в плавание, а на случай своей гибели заранее завещает все имущество доктору Путсу и его дочери. Патер, удивившись, принялся расспрашивать юношу о мингере Путсе, поинтересовался, какую веру исповедует старый доктор, так как его никто никогда не видел в церкви, причем ходили слухи, что он не христианин и еретик. Филипп сослался на свою неосведомленность и прибавил, что дочь доктора желает просветиться учением христианской веры, и попросил святого отца принять на себя эту миссию, поскольку обычный прихожанин к ней не подготовлен. На это патер Сейсен, сразу догадавшийся, что молодой человек влюблен в юную красавицу, охотно согласился. Через два часа беседа была прервана возвратившимся мингером Путсом, который, завидев в гостиной священника, пулей вылетел оттуда и захлопнул дверь. В заключение Филипп позвал Амину и попросил ее в виде одолжения принимать в доме патера Сейсена, после чего добрый старик благословил обоих и откланялся.

– Надеюсь, вы не ссудили его деньгами, мингер Филипп? – спросил Путс, когда священник покинул дом.

– Нет, – ответил Филипп, – но я сожалею, что не подумал об этом.

– Что вы! Это хорошо, что вы ничего не дали ему. Какая от него польза? Деньги лучше, чем религиозные проповеди, и пусть он больше не является сюда.

– Послушай, отец, – возразила Амина, – патер приходит общаться с мингером Филиппом, который сам решает, кого ему принимать, а кого нет, ведь это его дом.

– Ну ладно, коли мингер Филипп этого желает... Но ведь он уезжает!

– Даже если и так, почему патеру не навещать нас? Я всегда буду ему рада.

– Ты? Как это? Зачем? Что ему от тебя нужно? Если он повадится в дом, я предупреждаю, что не дам ему ни гроша, и тогда он сам скоро забудет сюда дорогу.

Филипп усмехнулся, но не стал спорить, да и времени уже не оставалось. Вскоре юноша попрощался с Аминой в присутствии ее отца, который не отходил от молодых людей ни на минуту, по-прежнему пытаясь получить от Филиппа хоть какие-нибудь сведения по поводу спрятанных в доме денег.

Через два дня молодой Вандердеккен прибыл в Амстердам и, наведя справки, узнал, что до отхода ближайшего судна в Ост-Индию пройдет не менее нескольких месяцев. Ускорить путешествие не представлялось возможным: образование Голландской Ост-Индской компании положило конец всем частным предприятиям, связанным с мореплаванием. Суда компании отправлялись в рейс лишь в такое время года, которое считалось наиболее благоприятным, чтобы обогнуть мыс Бурь, или мыс Доброй Надежды. Первым на очереди к отплытию был трехмачтовый корабль «Тер-Шиллинг», сейчас полностью разоруженный и без оснастки. Филипп разыскал капитана этого судна и сообщил ему о своем желании отправиться в дальнее плавание, чтобы ознакомиться с профессией моряка и изучить под руководством опытных настав-

ников морское дело. Капитану понравилась наружность юноши, а так как тот соглашался не только не получать никакого жалования, но и платить за свое пребывание и обучение известную сумму, то ему пообещали койку и содержание на положении младшего офицера. После этого ему объявили, что его заранее уведомят о дате отправления судна, а пока он свободен. Сделав на первый случай все возможное для исполнения принесенной клятвы, Филипп решил вернуться домой и провести оставшееся время в приятном для себя обществе Амины.

В последующие два месяца мингер Путс продолжал трудиться на своем поприще и редко бывал дома, поэтому молодые люди долгие часы проводили наедине. Любовь Филиппа к девушке оказалась взаимной, это было даже нечто большее, чем любовь, – благоговейное обожание с обеих сторон, усиливавшееся с каждым днем. Иногда, правда все реже, Филиппа преследовали мрачные мысли о будущей несчастливой судьбе, но улыбка Амины разгоняла их, как солнышко тучи: стоило юноше взглянуть на милое личико возлюбленной, как все страхи и опасения исчезали. Амина не скрывала своего чувства, а наоборот, выражала его в каждом слове, взгляде и жесте. Когда Филипп целовал ее руку и коралловые губки или обнимал ее стан, Амина не противилась: ей казалось, что счастье всей ее жизни заключается в любви этого благородного юноши, а если так, к чему холодность и притворство? Амина хотела получить от любви все. Однажды патер Сейсен, уделявший дочери мингера Путса особое внимание, посетил дом Вандердеккена и, застав Филиппа и девушку в объятиях друг друга, неодобрительно покачал головой.

– Дети мои, я давно наблюдаю за вами, и то, что вы делаете, нехорошо, – сказал он. – Даже если ты, Филипп, помышляешь о женитьбе, такая игра опасна. Прежде я обязан соединить вас перед лицом Господа. Не может быть, Филипп, чтобы я ошибся в тебе, – строго добавил духовный отец, – ты добрый христианин и путь греха не для тебя.

При этих словах Филипп вздрогнул:

– Нет-нет, святой отец. Но я попрошу вас оставить нас сейчас и прийти завтра. Мне нужно принять решение, а до этого я должен поговорить с Аминой.

Патер вышел, и в комнате повисла тишина. Амина побледнела, потом покраснела, сердце ее учащенно забилось в ожидании того, что скажет Филипп.

– Патер прав, Амина, – произнес юноша, садясь рядом, – так дальше нельзя. Я очень хочу всегда быть рядом с тобой, но меня ждет иная участь. Ты знаешь, Амина, что я люблю даже землю, к которой прикасаются твои ножки, но я не имею права просить тебя соединить свою судьбу с моей, ибо это сулит тебе горе и невзгоды.

– Соединяя наши судьбы, мы вовсе не обречены на горе и невзгоды, Филипп, – едва слышно возразила девушка, сконфуженно потупив глаза.

– Я не настолько эгоистичен и черств, чтобы принимать такую жертву с твоей стороны, Амина! – воскликнул юноша.

– Послушай меня, я привыкла выражаться прямо – так, как чувствую сердцем. Ты говоришь, что любишь меня. Я не знаю, как любят мужчины, но за себя вполне ручаюсь. Я ощущаю всей своей кровью, что если ты сейчас оттолкнешь меня, то поступишь жестоко и себялюбиво, и меня это очень ранит. Ты повторяешь, что тебе нужно уехать отсюда, что ты дал обет, что этого требует твоя роковая тайна. Но я тебя не разубеждаю. Пусть сбудется предначертанное свыше. Отчего же я не могу отправиться с тобой? Чем я тебе помешаю?

– Скитаться вместе со мной? Да ты что, Амина?! Ты хочешь погибнуть раньше времени?

– Хотя бы и так. Что с того? Смерть есть не что иное, как освобождение, я ее не боюсь, Филипп. Я страшусь другого – потерять тебя. Кроме того, разве твоя жизнь не в руках Всевышнего? Почему ты с такой уверенностью твердишь про смерть? Ты уже все решил за Бога? Ты противоречишь сам себе: если судьба сделала тебя своим орудием и предначертала тебе выполнить важную миссию, она сохранит тебя, уберет до того момента, когда ты достигнешь цели. Мне хочется знать твою тайну, Филипп, не из-за любопытства, а потому что женский ум

нередко оказывается находчивее и проникательнее мужского, и он тебе пригодится. Но давай взглянем на дело иначе: разве не отрадно и не утешительно мужчине делить горе, заботы и тревоги, равно как и радости, с родным существом, которое, по твоим словам, ты любишь больше всего на свете?

– Дорогая Амина, неужели ты не понимаешь, что именно моя горячая любовь к тебе лишает меня твердости и хладнокровия? Видит Бог, я блаженствовал бы, соединившись с тобой теперь же! Но что-то останавливает меня, то, чего я не способен толком выразить. Я не вправе скрывать от тебя никакие тайны, будь мы мужем и женой, но я не могу жениться на тебе, прежде чем ты не узнаешь про мой обет. Так пусть же окончательно решится моя судьба! Я готов поставить на карту свое будущее и всю свою жизнь. Ты убедишься: мне трудно надеяться на счастье, хотя в этом нет ни малейшей моей вины, – и тогда ты сама рассудишь, как поступить. Помни только, что клятву мою слышало Небо, и ничто не принудит меня изменить ей. Не забывай это и выслушай мою исповедь, и если после всего, что я тебе открою, ты еще захочешь стать женой человека, лишённого светлых надежд и обречённого подчиняться воле рока, так тому и быть. Значит, на мою долю выпадет короткое, как вспышка, но громадное счастье, которое я пока ничем не заслужил.

– Хорошо. Не тревожься и говори по порядку, – попросила Амина.

Филипп в мельчайших подробностях передал девушке все, что уже известно читателям. Амина сосредоточенно слушала его, и на ее лице отражалось полное спокойствие. В заключение юноша повторил ей свою клятву, которую запомнил наизусть слово в слово.

– Теперь ты все знаешь, дорогая.

– Страшная история, Филипп, – задумчиво произнесла Амина. – Я тебя не перебивала, теперь ты меня послушай, но прежде дай мне, пожалуйста, священную реликвию – мне хочется взглянуть на нее и убедиться, что эта маленькая вещица обладает такой силой. Прости мне, Филипп, мои сомнения, но я еще не вполне утвердилась в новой вере, в которой ты и добрый патер наставляете меня. Я не говорю, что это невозможно, но мне пока позволительно сомневаться. Твой сыновний долг мне понятен, ты обязан помочь отцу, и я не собираюсь отвращать тебя от того, что справедливо. Наоборот, я первая заклинаю тебя: ищи своего отца, Филипп, и, коли это в твоих силах, облегчи его участь. Наверное, это не сразу удастся тебе, но я уверена: если ты избран для столь высокой цели, то и в беде, и в нужде, и в опасности Провидение пощадит тебя и сохранит вплоть до исполнения твоего предназначения. Ты не раз возвращаешься из плавания домой и всякий раз найдешь утешение, поддержку, любовь и ласку своей жены Амины, а когда Богу станет угодно призвать тебя к Себе, то память о тебе, если твоя супруга переживет тебя, будет для нее так же дорога и священна, как и ты сам. Филипп, ты предоставил мне решать, и вот моя воля: я согласна стать твоей женой, я – твоя!

Она протянула к нему руки, Филипп прижал ее к своей груди и в тот же вечер попросил у старика руки его дочери. Мингер Путс недолго сомневался: едва Филипп раскрыл перед ним железный ларец, доктор тотчас дал согласие на брак. Патер Сейсен зашел на другой день и получил от Филиппа положительный ответ, а спустя три дня колокола маленькой приходской церкви радостно зазвонили, оповестив горожан о бракосочетании Филиппа Вандердеккена и Амины Путс.

Глава VII

Прощание

Поздней осенью мингер Вандердеккен поневоле пробудился от блаженного сна в объятиях молодой супруги – пришло извещение от капитана того судна, на котором юноша намеревался отправиться в Индийский океан. Со дня свадьбы с Аминой Филиппа ни разу не посетили тяжелые думы о предстоящих испытаниях. Пару раз он, правда, вспомнил о своем обете и трагической судьбе отца, но рассудил, что прежде времени беспокоиться не о чем, и отогнал от себя удручающие мысли. Дни проходили за днями, миновало несколько месяцев, и Филипп, наслаждаясь ласками своей красавицы, постепенно начал забывать о клятве, а Амина избегала любого упоминания о том, что хоть как-то омрачало ее счастье с любимым мужем. И вот в одно октябрьское утро кто-то постучал молоточком в дверь домика Вандердеккенов, как обычно делали посторонние посетители. Амина отворила.

– Мне нужен мистер Филипп Вандердеккен, – сказал незнакомый subtilный господин небольшого роста в костюме голландского моряка.

Хозяйка дома внимательно посмотрела на него. Черты его лица показались ей мелкими, невзрачными и какими-то заостренными, кожа мертвенно-бледной, губы бескровными, волосы рыжевато-седыми. Бороды он не носил, возраст имел неопределенный: то ли преждевременно одряхлевший болезненный человек средних лет, то ли еще крепкий и бодрый, но чересчур тощий старик. Первое, что привлекло внимание Амины, – левый и, собственно, единственный глаз этого господина. Правое веко у него было опущено, потому что глаз, очевидно, вытек. Зато уцелевший левый глаз выглядел таким громадным и непропорциональным размерам лица и головы, таким выпуклым и водянистым, что смотреть на него было неприятно, если учесть к тому же отсутствие ресниц и на нижнем, и на верхнем веке. Глаз был настолько выразителен, что все прочие черты лица терялись на его фоне, и, разговаривая с этим моряком, его собеседник не видел перед собой ничего кроме глаза, словно речь шла не о человеке с одним глазом, а о глазе с человеком. Тщедушное тело и то служило, словно башня маяка, только для одного огромного глаза. Между тем, если бы кто-либо внимательнее пригляделся к незнакомцу, то заметил бы, что человек этот, хотя и слишком худой, был неплохо сложен, а его руки ни по форме, ни по цвету не походили на грубые мозолистые руки простых матросов. Черты его тусклого лица отличались правильностью, и в них читалось сознание превосходства над окружающими, а во всех манерах человека сквозило что-то надменное и неуловимо внушавшее суеверный страх. Темные глаза Амины задержались на страшном посетителе, причем она ощутила во всем теле лихорадочную дрожь, а сердце ее как будто охолодело.

– Входите, пожалуйста, – приветливо пригласила она.

Филипп удивился появлению незнакомца, тем более что тот, едва войдя в гостиную и не сказав ни слова, расположился на диване возле хозяина, там, где обычно сидела Амина. Филиппу показалось дурным знаком, что этот одноглазый занял место Амины. Все минувшее мгновенно пронеслось в памяти юноши, и он болезненно ощутил переход от прежнего блаженства к новой жизни, бурной, тревожной, полной опасностей. Еще одно обстоятельство неприятно поразило Филиппа: какой-то могильный холод пробежал по всему телу незнакомца, как только он уселся рядом. Мингер Вандердеккен побледнел, но не произнес ни слова, и с минуту в комнате стояла полная тишина. Одноглазый посетитель осмотрел камин, буфеты, картины в рамах, после чего его взгляд соскользнул на женщину, стоявшую перед ним. Он прервал молчание звуком, напоминавшим гоготание или сдавленный крик, который продолжал звенеть у слушателей в ушах еще долго после того, как говорящий умолкал.

– Мистер Филипп Вандердеккен, вы не знаете меня?

– Нет, – ответил тот недовольным тоном.

– Я Шрифтен, один из рулевых «Гер-Шиллинга». Я пришел сюда, – при этом мужчина поглядел на Амину, – чтобы вырвать вас из объятий любви, – он указал на буфеты, – оторвать от удобств домашнего очага и разлучить со всем этим. – Поднявшись с дивана, он обвел руками комнату и почему-то топнул ногой. – А может, мне даже придется опустить вас во влажную, очень-очень мокрую могилу где-нибудь на дне океана, – добавил он с отвратительным гогогом, испытующе устремив на Филиппа левый глаз.

Первым побуждением юноши было схватить этого наглеца за шиворот и вышвырнуть за дверь, но Амина, читавшая мысли мужа, смерила незваного гостя полным спокойного презрения взглядом и сказала:

– Никто из нас не уйдет от судьбы, уважаемый господин Шрифтен. На суше, как и на море, смерть собирает свой урожай, но я уверена: загляни она в глаза Филиппа Вандердеккена, лицо его не побледнело бы так, как сейчас у вас.

– В самом деле! – воскликнул Шрифтен, пораженный и раздосадованный выдержкой юной прекрасной особы, и, обратив свой глаз на серебряный киот с образом Мадонны на камине, заметил вслух: – Вы, мистер Вандердеккен, я вижу, католик...

– Да, католик, и что с того? Когда отправляется судно? Вы мне еще не сообщили.

– А, запомятовал. Через недельку, хи-хи. Да-да, одна неделя для сборов. Всего семь дней-ков, и прощай семейное гнездышко. Недолгий срок, однако.

– Мне его вполне достаточно. – Филипп поднялся с дивана. – Передайте, пожалуйста, капитану, что я буду вовремя. Что ж, Амина, начнем готовиться – нельзя терять времени.

– Да, конечно, – отозвалась молодая женщина. – Мингер Шрифтен, позвольте по обычаю гостеприимства предложить вам перекусить с дороги.

Никак не отреагировав на любезность хозяйки, Шрифтен пробурчал что-то типа: «Ровно через неделю, не забудьте!» – и, повернувшись на каблуках, вышел за дверь и вскоре скрылся из виду. Амина, схватившись за голову, упала на диван: так неожиданно и грубо оборвал этот человек тонкую нить ее хрупкого краткого счастья, так бессердечно разбередил ее любящее сердце. Почему в его словах и манерах ощущались преднамеренная злоба и жестокость? Потому ли, что он – старый морской волк, знающий о морской жизни то, чего никогда не узнают обычные люди, – чувствовал себя выше всех обывателей? Это пугало Филиппа, но еще больше Амину. Она не плакала, а только прикрыла лицо руками, словно размышляя, Филипп же бесцельно мерил шагами комнату. События недавнего прошлого ожили в его сознании с невероятной яркостью: ему мерещилось, будто он снова входит в полутемную пыльную гостиную, осматривает мебель, отпирает буфеты и ларец, ищет то, что хочет найти, подбирает кисею на полу, а под ней... Он вздрогнул, вспомнив момент, когда увидел роковое письмо. Супруги словно очнулись от сладостного сна любви и счастья и теперь с ужасом взирали на грозное будущее, замаячившее между ними, как призрак. Но нескольких минут оказалось достаточно, чтобы Филипп вернул себе обычное самообладание. Он сел подле Амины и обнял ее. Некоторое время оба молчали, читая мысли друг друга, призывая на помощь все свое мужество и стараясь смириться с неизбежным расставанием – неважно, на время или навсегда.

– Право, Филипп, это не простой человек, он не такой, как все, – сказала Амина. – Ты почувствовал холод смерти, когда Шрифтен сел подле тебя? Я это ощутила тотчас же, как он вошел.

Филипп, который в этот момент размышлял о том же самом, не захотел тревожить жену и уклончиво ответил:

– Нет, милая, тебе показалось. Это объясняется внезапностью его появления и странным поведением. По-моему, он типичный моряк, а человеконенавистником стал вследствие своего уродства; лишенный семейного уюта, любви и ласки любимой женщины, он завидует таким, как я, кому судьба даровала все это с лихвой. Потому-то он с особенно злобным наслаждением

известил нас о сборах, гадко радуясь тому, что мой отъезд и разлука с тобой положат конец нашему блаженству.

– Да, но если бы даже я оказалась права и во Шрифтене действительно есть что-то злое, это не меняет дела, – горько произнесла Амина. – Положение твое незавидное. Теперь, когда я стала твоей женой, Филипп, я утратила часть прежнего мужества – вероятно, раньше я не до конца осознавала, какое бесценное сокровище я в тебе теряю. Но не волнуйся, родной, я готова к испытаниям и горжусь тем, что человек, избранный Провидением для столь важной миссии, – мой супруг. Ты не ошибся, Филипп, в своем высоком предназначении, – добавила она.

– Да, дорогая, я не ошибся ни в своем призвании, ни в своей решимости, ни в выборе жены. – Он поцеловал Амину. – Такова воля Неба!

– Да будет на все воля Господа! – сказала Амина, вставая с дивана. – Первая горестная минутка прошла, я справлюсь со всеми трудностями, обещаю тебе. Твоя Амина знает и помнит свой долг. Всего одна неделя, – посетовала она.

– Одного дня вполне хватило бы, – проворчал Филипп. – Этот одноглазый урод появился слишком рано и украл у нас неделю счастья, которую мы могли бы провести в полном неведении.

– Нет, Филипп, хорошо, что он пришел заранее. Я ведь не собираюсь всю неделю докучать тебе слезами, жалобами и мольбами остаться, как делают в таких случаях другие жены. Вот их мужьям действительно лучше давать на сборы один день. Я снаряжу тебя в путь, как древнего рыцаря на ратный подвиг, сама вручу тебе щит и меч и благословлю на возвращение с победой. Но эту неделю я хочу упиться твоими ласками, запечатлеть в сердце твой дорогой образ, запомнить твой нежный взгляд и звук твоего голоса, удержать в сознании каждое твое слово. В разлуке с тобой я буду жить всеми этими чувствами и воспоминаниями. Нет-нет, Филипп, слава богу, что этот человек предупредил нас за неделю.

– Теперь и я мысленно благодарю его, Амина. Кроме того, мы ведь с тобой знали, что рано или поздно это время наступит.

Амина вздохнула. В этот момент их разговор прервал возвратившийся от больного мингер Пугс, которого до того поразила перемена в лице дочери, что он закричал с порога:

– Боже правый! Что здесь случилось?

– Ничего, кроме того, что мы давно ожидали, – ответил Филипп. – Я покидаю родной дом: судно отправляется ровно через неделю.

– Ах, через неделю, – повторил доктор таким тоном, в котором явно слышалась затаенная радость, но старый хитрец моментально придал своему лицу кислое выражение и добавил: – Очень печальная новость...

– Давайте обедать, – с улыбкой предложила Амина, и все трое направились из гостиной в кухню.

Нет смысла подробно описывать неделю, которая ушла на приготовления к отъезду, на тревоги молодой женщины за своего возлюбленного, на переживания Филиппа, сердце которого разрывалось между любовью и долгом. Для юной четы эта неделя длилась бесконечно долго, хотя на самом деле время летело быстро: мучительно сдерживаемые чувства неудержимо рвались наружу, состояние обоих было нестерпимо напряженным, и молодые супруги не могли долее выносить его, поэтому оба почувствовали облегчение, когда наступило утро расставания. Ожидание разлуки оказалось, таким образом, гораздо мучительнее самой разлуки.

– Знаешь, Филипп, – сказала Амина, сидя подле него и держа его руки в своих, – мое сердце постоянно твердит мне, что ты вернешься. Я ему верю. Конечно, оно способно ошибаться: может, ты и возвратишься, но не живым, а лишь в моих снах. Я буду ждать тебя в добром здравии в этой самой комнате на диване. Но если вдруг с тобой случится несчастье, обещаю тебе, что ты придешь ко мне после смерти, как призрак твоего отца явился твоей матери.

Я не испугаюсь ни бури, ни погасшей свечи, ни распахнувшегося окна – ничего на свете. Я буду любить твой призрак, я встречу его, как тебя, возлюбленный мой. Я увижу тебя еще раз, чтобы убедиться, что тебя нет в живых, и поспешу соединиться с тобой там, в загробной жизни. Обещай мне это, Филипп!

– Обещаю все, что ты пожелаешь, Амина, но прости меня, мне тяжело дольше тут оставаться... мои силы начинают мне изменять.

– Ох, Филипп... – прошептала Амина, голос ее прервался, темные пронизательные глаза, устремленные на мужа, заволоклись слезами, черты лица исказились, она застонала и лишилась чувств.

Филипп, желая запечатлеть прощальный поцелуй на ее устах, увидел, что она потеряла сознание, и подумал: «Слава Тебе, Господи, она теперь ничего не чувствует». Он осторожно уложил жену на диван, поспешно поцеловал ее бледный лоб и, позвав к ней отца, находившегося в соседней комнате, быстро схватил свою шляпу и, как помешанный, вылетел из дому. Он отошел уже далеко, когда Амина очнулась после обморока.

Глава VIII

Инцидент на судне

Прежде чем последовать за Филиппом Вандердеккеном в далекое плавание, позволим себе освежить в памяти читателей некоторые исторические события, приведшие к тому, что предприимчивые голландцы добились самостоятельной торговли с Индией пряностями и другими товарами, приносившими огромные богатства, хотя в XVI веке сверхдоходные азиатские рынки контролировали исключительно португальцы и испанцы.

Карл V Габсбург, владелец половины Европы, отойдя от мирских дел и желая провести остаток жизни в монастырском уединении, разделил свое обширное государство между своим сыном Филиппом и братом Фердинандом. В 1555 году Филипп получил управление Нидерландами, а в 1556 году – Испанией и Италией. В том же году Фердинанду досталась Германия с прилегающими землями, а Карл V вернулся в Испанию и затворился в специально построенном в Эстремадуре монастыре святого Юста, сохранив себе небольшой доход, двенадцать слуг и одного пони. Два года спустя он умер в обители. Таким образом, империя Габсбургов распалась на владения испанских Габсбургов и австрийских Габсбургов. XVI век стал пиком их могущества, а далее последовал экономический и политический упадок.

Филипп II Габсбург, малообразованный, неумный, жадный и жестокий человек, считал себя вправе распоряжаться своим добром как заблагорассудится и фактически превратил прогрессивные Нидерланды в колонию отсталой феодальной Испании. Он отнял у голландцев большинство прав, увеличил налоги и запретил покупать английскую шерсть, необходимую для производства сукна. Чтобы держать свободолюбивый народ в узде, в Нидерландах активно насаждалась испанская инквизиция. Голландцы роптали, и, чтобы положить конец их недовольству, инквизиторы сожгли несколько сотен бунтовщиков и вольнодумцев. Католическая вера оказалась неподходящей для уравновешенных позитивных голландцев – слишком пламенной, если позволительно так выразиться, а голландцы питали несравненно большую склонность к воде, чем к огню, поэтому запротестовали еще сильнее. В 1566 году делегация нидерландских дворян потребовала от Маргариты Пармской закрытия инквизиторских судов и созыва Генеральных штатов. Тогда же прокатилась волна иконоборческих восстаний горожан и крестьян, сопровождавшихся уничтожением икон и статуй католических святых.

Чтобы выкорчевать еретиков, как сорняк, в 1567 году в Нидерланды вступил со своей армией герцог Альба, учредивший Совет по делам о мятежах; жертвами католического террора стали тысячи голландцев. Целью Альбы было доказать им, что инквизиция – наилучшее из всех учреждений и что несравненно выгоднее и приятнее грешнику в продолжение всего лишь часа поджариться на костре при жизни, чем гореть вечным огнем в аду после смерти. Однако не все голландцы разделяли эту точку зрения – в стране развернулось движение гёзов, получивших поддержку других европейских протестантов. Гёзы захватили город Брилле, и все северные провинции охватило восстание. Затяжная война, длившаяся более восьми лет, лишила несколько сотен тысяч голландцев возможности спокойно умереть в своих постелях, но жертвы были не напрасными: результатом стала Утрехтская уния 1579 года – военно-политический союз семи провинций Северных Нидерландов против Испании. Возникло единое независимое от Испании государство с самостоятельным правительством, казной и армией. Через два года Филипп II Габсбург был низложен. В 1587 году Северные Нидерланды провозгласили себя Республикой Соединенных провинций, и по самой крупной из них государство стало называться Голландией. Не сразу, но Испания вынужденно признала независимость Голландии.

Теперь вернемся назад. В течение ста лет, после того как Васко да Гама открыл морской путь вокруг мыса Доброй Надежды, португальцы чувствовали себя там полными хозяевами, и

ни одна из стран не вмешивалась в их колониальные дела. Но шло время, и предприимчивый дух англосаксов побудил их попытаться счастья на далеком Востоке. Однако португальцам принадлежало исключительное право прохода в Индию мимо мыса Доброй Надежды, и они отстаивали это право силой оружия. Ни одна частная компания не осмеливалась противиться им, а торговля в ту пору еще не приносила столь баснословных доходов, чтобы какое-нибудь правительство решилось развязать войну с Португалией. Почти весь XV век англичане потратили на то, чтобы отыскать независимый от португальцев северо-западный проход в Индию, но эти усилия не увенчались успехом. От дальнейших попыток пришлось отказаться и впредь не считаться с претензиями португальцев. После двух-трех неудачных экспедиций военная эскадра под командованием неустрашимого и искусного мореплавателя Фрэнсиса Дрейка добилась того, чего не ожидали самые смелые мечтатели. В мае 1580 года после почти трехлетнего плавания Дрейк возвратился в Англию, привезя с собой огромные богатства и заключив выгодный договор с королем Молуккских островов. Вслед за ним с не меньшим успехом кругосветное путешествие совершил Томас Кэвендиш, а потом и другие. После разгрома «Непобедимой армады» в 1588 году Англия вытеснила Испанию на морях. Английская (впоследствии Британская) Ост-Индская компания получила специальную хартию на коммерческие операции к востоку от мыса Доброй Надежды и к западу от Магелланова пролива, то есть сфера монопольной торговли Ост-Индской компании отныне включала Тихий и Индийский океаны и занимала половину планеты. В Индии, Юго-Восточной Азии, на Дальнем Востоке англичанами была учреждена обширная сеть факторий.

Пока Нидерланды оставались вассальной провинцией Испании, они торговали с Европой колониальными товарами при посредничестве испанцев, но после обретения независимости положение изменилось. Отныне голландцы сами снаряжали экспедиции в Индию, и, надо признать, очень успешно. В 1594 году группа нидерландских коммерсантов основала фирму «Ван Верре» для торговли со странами Востока без посредников. За ней последовало создание еще нескольких торговых компаний. С целью исключения конкуренции между ними и противостояния португальской, испанской и английской торговле решением Генеральных штатов Соединенных провинций Нидерландов все торговые компании объединились в 1602 году в единую Голландскую Ост-Индскую компанию на тех же основаниях и условиях, какие были установлены хартией для Английской Ост-Индской компании. Ко времени нашего повествования англичане и голландцы уже более пятидесяти лет вели торговлю с Индией, а португальцы почти потеряли свое господствующее влияние в этом регионе, тем более что обе Ост-Индские компании поначалу проявляли терпимость друг к другу и равным образом ненавидели жестоких и алчных португальцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.